

Дик Фрэнсис

БАНКИР

Дик Фрэнсис

Банкир

«Азбука-Аттикус»

1982

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Банкир / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус», 1982

ISBN 978-5-389-21208-4

Дик Фрэнсис (1920–2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательных романов, ставших бестселлерами во многих странах мира. Переиздание романа опубликовано в сборнике Дика Фрэнсиса в 2022 г.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21208-4

© Фрэнсис Д., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

Год первый: май	6
Год первый: июнь	17
Год первый: октябрь	35
Год первый: ноябрь	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Банкир

© А. С. Хромова, перевод, 1999, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Banker / Copyright © 1982 by Dick Francis

Год первый: май

Гордон Майклз стоял в центре фонтана.

– Боже, – сказал Алек. – Что он делает?

– Кто?

– Твой босс, – ответил Алек. – Купается в фонтане.

Я подошел к окну и посмотрел вниз, туда, где двумя этажами ниже во внутреннем дворе торгового банка «Поль Эктрин» располагался декоративный фонтан. Три его водяных пера, изящно переплетаясь, взлетали в воздух и падали сверкающей круговой завесой. Именно там, в чаше фонтана, погруженный до середины икр, стоял Гордон в своем темно-синем в узкую полоску костюме... в белой рубашке и приличном галстуке... в темных с искрой носках и черных ботинках... в золотых запонках и при кольце с ониксом... во всем лоценом великолепии обитателя Сити... промокший насквозь.

Наверное, меня встревожила главным образом его неподвижность. Невозможно было истолковать это весьма неординарное поведение как своего рода проявление легкомыслия, торжества или веселья.

Я пулей вылетел из выстеленного толстым ковром офиса через пожарный выход, сбежал вниз по ступеням лестницы из крупнозернистого песчаника и пересек мраморное пространство вестибюля. Человек в форме охранника, сидящий за конторкой, уставился через стеклянные широкие двери, раскрыв рот, так что видны были пломбы; двое только что вошедших посетителей ошеломленно застыли в дверях, глядя на улицу. Я выскочил мимо них наружу и сбавил скорость только на последних шагах перед фонтаном.

– Гордон! – позвал я.

Его глаза были широко открыты. Капельки воды стекали по лбу с мокрых черных волос и оседали на ресницах. Основная масса воды изгибалась хрустальной радугой как раз за его плечами, и брызги сыпались прямо на него, как дождь. Гордон смотрел на меня, не моргая, серьезно и нерешительно, точно не совсем понимал, кто я такой.

– Заходите в фонтан, – сказал он.

– А... зачем, собственно?

– Они не любят воду.

– Кто не любит?

– Все эти люди. Люди с белыми лицами. Они не любят воду. Они не пойдут за вами в фонтан. Если вы будете мокрым, с вами ничего не случится.

Голос его звучал настолько разумно, что мне пришла в голову нелепая мысль – а может, это все-таки шутка? Но шутки Гордона обыкновенно были легкими, светскими, остроумными комментариями на тему человеческой глупости. За ним не водилось шальных балаганных выходов, отдающих сюрреализмом.

– Пойдемте отсюда, Гордон, – с трудом выговорил я.

– Нет-нет. Они меня ждут. Пошлите за полицией. Позвоните им. Скажите им, чтоб приехали и их всех забрали.

– Но кого, Гордон?

– Всех этих людей, конечно. Этих людей с белыми лицами.

Его голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, сосредоточенный взгляд, казалось, обводил толпу, обступившую фонтан. Невольно я тоже посмотрел по сторонам, но увидел лишь стекло и камень банковских стен и разросшийся хор недоверчивых лиц за стеклом.

Мне все еще хотелось верить, что он в своем уме.

– Они здесь работают, – сказал я. – Эти люди работают здесь.

– Нет-нет. Они приехали со мной. В машине. Кажется, там было двое или трое. Но все остальные – понимаете, они были уже здесь. Они хотят, чтобы я пошел с ними, но они меня здесь не достанут, они воды не любят.

Все это время он говорил довольно громко, так что я отлично слышал его сквозь плеск воды, а последнее высказывание достигло и слуха председателя правления банка, который торопливо шагнул к нам от здания.

– Ну, Гордон, дружище, – повелительно сказал председатель, прочно утвердившись рядом со мной, – что все это означает, бога ради?

– У него галлюцинации, – сказал я.

Взгляд председателя скользнул по моему лицу и вновь обратился к Гордону, а Гордон серьезно посоветовал ему зайти в фонтан, поскольку там до него не доберутся люди с белыми лицами, питающие к воде необъяснимое отвращение.

– Сделайте что-нибудь, Тим, – распорядился председатель, и я ступил в фонтан и взял Гордона за руку.

– Пойдемте, – сказал я. – Если мы будем мокрыми, они нас не тронут. Нет необходимости оставаться в воде. Достаточно быть мокрым.

– Правда? – спросил Гордон. – Они вам так сказали?

– Да, они сказали. Они мокрых не трогают.

– Ага. Хорошо. Если вы уверены.

– Да, я уверен.

Гордон согласно кивнул. Я легонько потянул его за собой. Он осторожно шагнул, всколыхнув воду, переступил через невысокий парапет и выбрался на мощенный плитками дворик. Я крепко поддерживал его и молил небо, чтобы люди с белыми лицами оставались на расстоянии; но, хотя Гордон опасливо оглядывался вокруг, очевидно было, что они пока что не пытаются его похитить.

На лице председателя отразилось глубокое и неподдельное участие. Они с Гордоном давно и крепко дружили. Во многом они были похожи, хотя и не внешне; оба одарены пытливым умом, интуицией, творческой фантазией. Оба в нормальных обстоятельствах имели обыкновение даже самые жесткие указания давать учтиво-вежливым тоном, и оба были явно увлечены своим делом. Им обоим было за пятьдесят, оба в расцвете сил, оба достаточно богаты.

С Гордона текло на мостовую.

– Полагаю, – сказал председатель, бросив взгляд на населенные окна, – нам следует зайти в помещение. Видимо, в зал заседаний. Пойдем, Гордон.

Он взял Гордона Майклза за второй влажный рукав, и один из самых надежных столпов банковского дела во всем Лондоне покорно двинулся за нами, окутанный туманом видений.

– Люди с белыми лицами, – заговорил я, пока мы осторожно прокладывали курс через мраморный простор вестибюля, минуя простых смертных с отвисшими челюстями, – они что, идут за нами?

– Конечно, – сказал Гордон.

Было ясно, что сколько-то из них зашли вслед за нами и в лифт. Гордон все время с подозрением оглядывался. Остальные, как мы поняли, судя по его нежеланию выйти в коридор на верхнем этаже, ожидали нашего прибытия.

– Все в порядке, – ободряюще сказал я Гордону. – Не забывайте, мы все еще мокрые.

– Генри не мокрый, – ответил он, озабоченно оглядывая председателя.

– Мы же вместе, – сказал я. – Все будет хорошо.

Гордон посмотрел с сомнением, но в конце концов позволил своим провожатым вывести себя из лифта. Белые лица, похоже, расступались перед нами, освобождая путь.

По коридору к нам уже спешил личный помощник председателя, но тот остановил его коротким жестом и велел не допускать никого в зал заседаний, пока он не позвонит в колоколь-

чик; и мы с Гордоном прошлепали в мокрых ботинках по толстому зеленому ковру к длинному полированному столу из красного дерева. Гордон согласился сесть в одно из комфортабельных кожаных кресел, окружающих стол, а по бокам сели мы с председателем, и теперь уже Генри Шиптон спросил, здесь ли еще люди с белыми лицами.

– Конечно, – сказал Гордон, поглядев вокруг. – Они сидят на всех стульях вокруг стола. И стоят за ними. Целая толпа. Вы же сами видите!

– Во что они одеты? – спросил председатель.

Гордон озадаченно посмотрел на него, но ответил достаточно просто:

– В белые костюмы, конечно. С черными пуговицами. Впереди, сверху вниз, три большие черные пуговицы.

– Все? – спросил председатель. – Все одинаково?

– Ну да, конечно.

– Клоуны! – воскликнул я.

– Что?

– Белые клоуны.

– О нет, – сказал Гордон. – Это не клоуны. Они не смешные.

– Белые клоуны грустные.

Гордон недоуменно насупился и принялся внимательно разглядывать своих невидимых визитеров.

– Как тут быть? – раздумывал председатель; но обращался он преимущественно к самому себе. Мне же он сказал после паузы: – Полагаю, мы должны отвезти его домой. Он явно не опасен, и я не вижу смысла вызывать сюда доктора, которого мы не знаем. Я позвоню Джудит и предупрежу ее, бедняжку. И отвезу его на своем автомобиле, поскольку, кажется, только я знаю, где он живет. И я был бы вам очень признателен, Тим, если бы вы спустились вместе с нами, сели с Гордоном на заднее сиденье и постарались его успокоить.

– Разумеется, – сказал я. – Кстати, здесь его машина. Он сказал, что, когда ехал сюда, с ним, кажется, ехали двое или трое этих белолицых. Остальные ждали тут.

– Он так сказал? – Председатель поразмыслил. – Вряд ли у него действительно были галлюцинации, когда он вышел из дому. Джудит наверняка бы заметила.

– Но он казался вполне нормальным, когда прибыл в офис. Тихим, но нормальным. Он сидел за столом где-то с час, прежде чем вышел и полез в фонтан.

– Вы говорили с ним?

– Он не любит, чтоб с ним заговаривали, когда он думает.

Председатель кивнул:

– Что ж, сейчас прежде всего нужно найти одеяло. Попросите Питера, пусть найдет. И... э... насколько промокли вы сами?

– Совсем не промок, только ноги. Не беспокойтесь, сейчас не холодно.

Он кивнул, и я пошел на поиски. Питер, тот самый помощник, извлек откуда-то красное одеяло, в углу которого непонятно зачем было наискось выткано слово «пожар», и Гордон, плотно закутанный в эту штуку, позволил деликатно препроводить себя в машину председателя. Сам председатель сел за руль и с уверенностью мастера повез своих еще полусырых пассажиров на юг, в сияние майского утра.

Генри Шиптон, председатель правления «Поль Эктрин Лтд», был мужчиной крупного телосложения, чья природная полнота не перерастала в тучность благодаря сырой моркови, минеральной воде и силе воли. Полумечтатель, полуигрок, он привычно подвергал любую возвышенную идею суровой аналитической проверке; то был человек, чьи могучие природные инстинкты были укрощены, взнузданы и впряжены в работу.

Я восхищался им. И было за что. За время его двадцатипятилетней пахоты (из них десять лет он проработал на посту председателя) «Поль Эктрин Лтд» превратился из банковской кон-

торы средней руки в одного из членов высшей лиги и был с уважением признан во всем мире. Я мог почти точно измерить уровень общественного признания по отношению к имени банка, поскольку это было также и мое имя: Тимоти Эктрин, правнук Поля Основателя. В мои школьные годы люди спрашивали меня: «Тимоти как? Э-к-трин? Как ты это пишешь?» Сейчас же они зачастую просто кивают – и не сомневаются, что я унаследовал соответствующие качества, которых у меня нет.

– Знаете, они очень смиренные, – чуть погодя сказал Гордон.

– Белые лица? – переспросил я.

Он кивнул:

– Они ничего не говорят. Они просто ждут.

– Здесь, в машине?

Он неопределенно посмотрел на меня:

– Они влезли и едут.

По крайней мере, хоть не зеленые черти, непочтительно подумал я. Впрочем, Гордон, как и председатель, отличался воздержанностью. Но его острый ум был притуплен видениями, холерный бизнесмен остался в предфонтанном прошлом, благородная патина слезла. Фигура в красном одеяле представляла собой жалкое зрелище. Это была лишь тень воителя, изо дня в день уверенно оперировавшего миллионами, и тень эту везли домой в мокрых брюках. Величие человека порой не толще папиросной бумаги.

Он жил, как выяснилось, в тенистом великолепии Клэфем Коммон, в поздневикторианском фамильном особняке, окруженном изгородью в рост человека. В ней имелись высокие, окрашенные в кремовый цвет деревянные ворота, которые были закрыты и которые я отворил, а дальше меж аккуратных газонов шла короткая, посыпанная гравием подъездная дорожка.

Когда машина председателя подкатила к крыльцу, навстречу ей, распахнув парадные двери, вылетела Джудит Майклз и, не здороваясь, выкрикнула куда-то между Генри Шиптоном и мной:

– Удавлю этого проклятого доктора!

Потом она спросила:

– Как он? – И, жалостно охнув, бросилась к мужу. – Пойдем, милый, пойдем. Все будет хорошо, пойдем со мной, дорогой мой. Сейчас мы тебя согреем, баиньки уложим...

Когда ее большое дитя, пошатываясь, выбралось из машины, она заботливо поправила на нем красное одеяло, потом обернулась к нам с Генри Шиптоном и повторила:

– Я его убью. Голову ему мало оторвать!

– Они сейчас не особенно жалуют вызовы на дом, – с сомнением сказал председатель, – но все же... Он придет?

– Нет, он не придет. Миленькие, пройдите пока в кухню, там кофе на столе, а я спущусь через минуту. Пойдем, Гордон, пойдем по ступенечкам, раз, два... – Она помогла Гордону войти через парадную дверь, одолеть прихожую, застеленную персидским ковром, и подняться по лестнице, огороженной деревянными панелями, а мы с председателем вошли следом и сделали, как нам было сказано.

Джудит Майклз была шатенкой тридцати с лишним лет. В ней так и кипела жизнь, она излучала энергию, и влюбиться в нее мне ничего бы не стоило. До этого утра я лишь изредка встречал ее на светских вечеринках для служащих банка, но всякий раз меня заново окутывал ореол обаяния и сердечного тепла, естественный, как дыхание. Обладал ли я взамен хоть какой-то привлекательностью для нее, я не знал и не стремился узнать, поскольку вряд ли разумно позволять себе испытывать что-то по отношению к жене шефа. И все равно меня, как и прежде, потянуло к ней, и я был бы совсем не прочь занять место Гордона на лестнице.

Надеясь, что мне хорошо удастся скрывать свои мысли, я прошел вслед за Генри Шиптоном в уютную кухню и выпил предложенный кофе.

– Джудит – замечательная девочка! – вдруг с чувством сказал председатель. Я уныло взглянул на него и согласился.

Через некоторое время Джудит присоединилась к нам. Она, казалось, была скорее раздражена, чем расстроена.

– Гордон говорит, что люди с белыми лицами сидят по всей комнате и не хотят уходить. Ужас какой-то, ей-богу. Меня это просто бесит. Просто завывать хочется.

Мы с председателем растерянно переглянулись.

– Разве я вам не говорила? – спросила она, увидев наши лица. – Ах нет, конечно же нет. Гордон терпеть не может, когда говорят о его болезни. Понимаете, она нестрашная. Ну не настолько страшная, чтобы бросать работу и вообще...

– Э... – сказал председатель. – Что за болезнь?

– Да, пожалуй, вам-то я должна сказать, раз уж так вышло. Убить мало этого доктора, ей-богу. – Она глубоко вздохнула. – У Гордона болезнь Паркинсона в легкой форме. Левая рука иногда немного дрожит. Я и не ожидала, что вы заметите. Он старался, чтоб люди этого не видели.

Мы дружно покачали головами.

– Наш всегдашний доктор оставил практику, а этот новый, он из тех жутко самоуверенных типов, которые все лучше всех знают. Он отобрал у Гордона старые таблетки, а они, насколько я видела, хорошо помогали, и прописал ему какие-то новые. Как раз позавчера. И вот я ему звоню сейчас в совершенной панике и думаю, что Гордон вот-вот впадет в буйство или что-нибудь еще натворит и я обречена буду остаток жизни таскать его по лечебницам для душевнобольных, а этот врач с легким сердцем заявляет, чтобы я не беспокоилась, это новое средство часто вызывает галлюцинации, и дело только в том, чтобы подобрать правильную дозу. Говорю вам, не будь он на другом конце провода, я бы его придушила.

Однако и Генри Шиптон, и я почувствовали заметное облегчение.

– Вы хотите сказать, – спросил председатель, – что это... это пройдет?

Она кивнула:

– Этот чертов доктор сказал, чтобы Гордон перестал принимать таблетки, и тогда он через тридцать шесть часов полностью придет в себя. Вы только послушайте! И после этого нужно принимать их опять, но только половинную дозу, а там, мол, посмотрим, что будет. А потом говорит этак снисходительно: мол, если мы будем волноваться – можно подумать, нам не из-за чего волноваться! – так пусть Гордон через пару дней прогуляется до его приемной и они это обсудят. А вообще, мол, Гордон к завтрашнему вечеру будет в полном порядке, так что нам и думать об этом не надо.

Она и сама мелко дрожала, как будто от гнева, но, скорее всего, ее просто отпустило напряжение, потому что она внезапно всхлипнула раз и другой, и сказала «о боже», и сердито вытерла глаза.

– Я так испугалась, когда вы мне сказали, – проговорила она, точно извиняясь. – А когда дозвонилась до приемной, наткнулась там на эту чертову непробиваемую секретаршу и минут десять еще уговаривала ее, чтобы она позволила мне поговорить с доктором.

Выдержав короткую сочувственную паузу, председатель, как всегда добираясь до сути вещей, спросил:

– Доктор сказал, сколько времени займет подбор правильной дозы?

Она расстроено взглянула на него:

– Он сказал, что Гордон слишком резко отреагировал на обычную дозу и понадобится недель шесть, чтобы окончательно выяснить, сколько ему нужно. Но если мы продержимся, то эти таблетки лучше других ему подойдут, и надолго.

Генри Шиптон задумчиво вел машину назад в Сити.

– Полагаю, – проговорил он, – нам следует сказать в офисе, что Гордон почувствовал начинающийся грипп и принял какие-то таблетки, вызвавшие галлюцинации. Мы просто скажем, что он представлял себя на уик-энде и ему захотелось поплескаться в бассейне. Это подойдет?

– Конечно, – покладисто сказал я.

– В наши дни галлюциногены чрезвычайно распространены.

– Да.

– Само собой, Тим, не стоит упоминать о белолицых клоунах.

– Не стоит, – согласился я.

– И о болезни Паркинсона, если Гордон того не желает.

– Я ничего не скажу, – заверил я.

Председатель хмыкнул и погрузился в молчание. Наверное, его мысли, как и мои, крутились вокруг избитой темы: побочное действие лекарства порой бывает неприятнее болезни. До банка оставалось около мили, и тут Генри Шиптон заговорил опять:

– Вы ведь года два уже работаете вместе с Гордоном, не так ли?

– Почти три, – пробормотал я, согласно кивнув.

– И пользуетесь его доверием? Сможете удержать крепость до его возвращения?

Было бы нечестно отрицать, что такая мысль не пришла мне в голову уже в четверть одиннадцатого утра. Так что я согласился без особого волнения, скорее с облегчением.

В «Эктрине» не было жесткой иерархии. Принятое здесь определение ранга – «пользоваться доверием такого-то и такого-то» – на здешнем жаргоне означало всего лишь, что кто-то в случае чего может принять на себя более серьезную ответственность; но я, в отличие от прочих тридцатидвухлетних служащих, находился в весьма неблагоприятном положении из-за собственного имени. Совет директоров, боясь обвинений в семейственности, чинил мне препятствия на каждом шагу.

– Благодарю вас, – сдержанно сказал я.

На лице Генри Шиптона мелькнула тень улыбки.

– Обращайтесь, – предложил он, – если понадобится помощь.

Я кивнул. Он не собирался унижать меня этими словами. В «Эктрине» помогали всем и всегда. Генри Шиптон считал, что общение между сотрудниками и между отделами в целом является непременным условием успешной работы. Именно Генри Шиптон сломал перегородки между комнатками-конторами, отчего образовались большие свободные помещения. В комнате, где он самолично восседал за весьма роскошным столом, стояло еще восемь штук. С одного фланга к нему примыкал стол вице-председателя, а с другого – главы отдела ценных бумаг. Ряд столов напротив занимали директора других отделов, и все они без труда могли переговариваться друг с другом.

Как и во всех торговых банках, бизнес «Эктрина» весьма и весьма отличался от того, которым занимаются клиринговые банки на Хай-стрит. В «Эктрине» никто и в глаза не видел денег. Здесь не было ни кассиров, ни клерков, ни счетов, ни платежей, ни изъятий и едва ли нашлась бы хоть одна чековая книжка.

Здесь было три главных департамента, каждый из которых выполнял самостоятельные функции и занимал отдельный этаж. Отдел ценных бумаг имел дело с крупными клиентами, объединениями предприятий, контрольными пакетами и выпуском дополнительных акций. Отдел банковских операций, где работали мы с Гордоном, ссужал деньги предприятиям и отраслям промышленности. Управление капиталовложений, самый старейший и большой отдел, специализировался на том, чтобы как можно выгоднее поместить огромные инвестиционные фонды благотворительных компаний, пенсий, трестов и профсоюзов.

Было еще несколько меньших отделов: административный, который выполнял всю бумажную работу; имущественный, который покупал, продавал, расширял и арендовал; иссле-

довательский, который совал нос во все дырки; быстро растущий отдел внешних вложений, а также служба международного обмена, где около десятка молодых фанатиков-колдунов покупали и продавали мировую валюту, каждую минуту рискуя миллионами ради того, чтобы выгадать десятую долю процента, и к сорока годам выжигали себя дотла.

Жизнь всех трехсот пятидесяти человек, работающих в «Эктрине», была целиком посвящена деланию денег. Деньги делались на всем: на бизнесе, торговле, промышленности, на пенсиях и рабочих местах. Когда люди убеждены, что занимаются нужным делом, это придает им уверенность, и потому здесь, внутри, сохранялось стойкое согласие, которому не мешали никакие поверхностные волнения и каждодневные межотдельские территориальные драчки.

К тому времени, как мы с председателем вернулись в улей, он уже гудел. Тут же в вестибюле председатель был атакован нетерпеливо ожидавшей личностью из отдела ценных бумаг, а я поднялся выше этажом, в отдел банковских операций, и обнаружил, что там сидит Алек и хихикает, уткнувшись в конторскую книгу.

Алек, мой ровесник, страдал, говоря профессиональным языком, неконтролируемой склонностью к легкомыслию. Это в немалой степени украшало жизнь офиса, но, поскольку дворцовые шуты редко прокладывают путь к трону, карьера Алека со всей очевидностью шла вкривь и вкось. Видимо, окружающие были безнадежно узколобы. К счастью для Алека, думал я иногда.

У него было правильное лицо, сливочно-белая кожа, густо изукрашенная веснушками, высокий лоб, увенчанный плотной шапкой кудрей цвета пакли. В синих глазах за стеклами очков в золотой оправе всегда теплилась искорка, на губах играла легкая усмешка. Алек во всем умел находить смешную сторону. С первого взгляда он нравился почти всем, и только со временем люди начинали задаваться вопросом: а может, экзаменатор, присудивший ему первое место в списке закончивших курс правоведения в Оксфорде, был безнадежно слеп?

– Что такое? – спросил я, невольно улыбнувшись в ответ.

– Мы дали течь. – Он поднял голову и хлопнул по газете, лежавшей у него на столе. – Дорогой мой, – продолжал он с ехидным удовольствием, – эта штука пришла час тому назад. Похоже, мы подтекаем из всех дырок, как проколотый околоплодный пузырь. Течем, как Уэльс.

Лук в гербе Уэльса... Плачущие валлийцы... вот шут гороховый.

Алек развернул газету, и все, или почти все, стало ясно. С некоторых пор начал выходить (два раза в месяц) тоненький листок под названием «Что Происходит Там, Где Не Должно Происходить». Он тут же обрел популярность. Им зачитывалась чуть ли не вся страна, а главное, его внимательно читали в полиции. Приливная волна Уотергейта вызвала к жизни такое явление, как журналистские расследования. В этот могучий поток вливалась струйка и «Что Происходит...». Газетку решительно атаковали информаторы, которые ТОЧНО сообщали, что где происходит. Все расследование сводилось к тому, чтобы выяснить, какова доля истины в их информации, но именно эта задача, как было известно, выполнялась менее чем тщательно.

– Что там пишут? – спросил я; а кто бы не спросил?

– Если оставить в стороне резвые намеки, – сказал Алек, – сообщают, что кто-то в «Эктрине» продает конфиденциальную информацию.

– Продает...

– Точно так.

– О контрольных пакетах?

– Как ты догадался?

Я подумал о человеке из отдела ценных бумаг, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ожидании возвращения председателя. Я знал, что только крайняя необходимость могла заставить его сойти вниз по лестнице.

– Дай посмотреть. – Я отобрал у Алека газету.

Заметка, без затей озаглавленная «Ну и ну», состояла всего из четырех абзацев, и в первых трех с пленительной авторитетностью объяснялось, что в торговых банках менеджеры по инвестициям имеют возможность узнавать на раннем этапе про скупку контрольных пакетов акций, организуемую их фирмой. Однако менеджер по инвестициям не имеет ни малейшего права пользоваться такой информацией, полученной частным образом, хотя это может позволить ему сделать состояние своим клиентам.

Цены на акции компании, которую вот-вот должна купить другая компания, обычно возрастают. Если кто-то скупит их по низкой цене перед тем, как пойдут слухи о слиянии фирм, он сможет отхватить приличный куш.

Но именно эта прибыль и дала бы понять, что кто-то в торговом банке ведет себя непрофессионально. Ни один менеджер по инвестициям не стал бы навлекать на себя неприятности таким путем.

«Однако, – спрашивалось в статье, – что происходит в торговом банке „Поль Эктрин Лтд“? Три раза за последний год контрольные пакеты, курируемые этой престижной фирмой, заблаговременно перехватывались энергичными покупателями, а лишь затем акции попадали в руки заинтересованных сторон. Покупка сама по себе не может быть прослежена до менеджеров по инвестициям „Эктрин Лтд“, но нам сообщили, что информация исходила изнутри „Эктрин“ и кто-то в нем торгует золотыми новостями – за наличные либо за долю в прибылях».

– Это все измышления, – решительно сказал я, возвращая Алеку газету. – У них нет ни единого факта.

– Вечно ты как холодной водой окатишь! – пожаловался он.

– А ты бы хотел, чтобы это было правдой? – с интересом спросил я.

– А что, хоть оживилось бы местечко.

Тут, полагаю, и кроется различие между Алеком и мной. Для меня это место всегда было живым, хотя впервые я появился здесь (восемь лет назад) отнюдь не по своей воле; идея впахнуть меня в банк исходила от моего дяди. Моя мать к этому времени разорилась, ее квартиру судебные исполнители ободрали догола, унеся все, кроме телефона (который был собственно-стью службы связи) и кровати. В том, что мать разорилась, никто повинен не был, кроме нее же самой, и дядя прекрасно это знал, как и я. Что не помешало ему пустить в ход самый бес-пардонный шантаж.

– Я рассчитаюсь с ее долгами и улажу дела с пособием, если ты придешь к нам и будешь работать в банке.

– Но я не хочу.

– Я знаю. И знаю, что ты, дурак эдакий, сам попытаешься ее поддержать. Но если ты это сделаешь, она разорит тебя точно так же, как разорила твоего отца. Дай банку шанс! Если через три месяца ты все еще будешь его ненавидеть, я тебя отпущу.

Так что, как я ни отбрыкивался, мне все же пришлось пойти по стопам прадеда, деда и дяди, и через три месяца меня отсюда не утянули бы на аркане. Наверное, это было у меня в крови. Все задиристое подростковое презрение, которое я испытывал к «денежным мешкам», все надменное неодобрение моих студенческих лет, отрицательное отношение, завещанное моим неудачником-отцом, растаяло как дым. Сначала появилось понимание, потом интерес и, наконец, восторг. Искусство управления деньгами теперь держало меня, как опиум наркомана, и эта работа стала для меня высшим из наслаждений, доступных смертному.

– Как ты думаешь, кто это делает? – спросил Алек.

– Если кто-нибудь делает.

– Дыма без огня не бывает, – категорически заявил он. – Три раза за год... многовато для случайного стечения обстоятельств.

– Держу пари, что все это стечение обстоятельств на совести газетчиков. Они попросту закидывают удочки – вдруг что клюнет. Даже не говорят, о каких сделках идет речь, ходят вокруг да около.

Беда в том, что сама по себе история могла скверно отразиться на репутации банка. Клиенты быстро разбегутся, если перестанут нам доверять, а «Что Происходит...» частенько оказывалась права, так что для беспокойства были основания. Генри Шиптон до конца рабочего дня просидел в зале заседаний, руководя внеочередным совещанием директоров, а из центра круги разошлись по всем отделам. К вечеру практически все в здании прочитали заметку, и, хотя кое-кто, подобно Алеку, воспринял ее легкомысленно, она дала неожиданный побочный эффект. О Гордоне Майклзе позабыли.

Я всего дважды объяснял насчет «гриппа» и пилюль: только два человека и поинтересовались. Когда под угрозой благополучие банка, разве кого-нибудь будет беспокоить купание в фонтане, даже если купальщик забыл снять пиджак и являлся ни больше ни меньше как директором отдела банковских операций.

На следующий день я обнаружил, что выполнять работу за Гордона – не в игрушки играть. До сих пор я мог своей властью оформлять ссуды на определенные суммы, а все, что сверх того, было целиком в ведении Гордона. Для служащих моей категории это означало, что я мог составить договор на любую ссуду, если верил, что клиент надежен и должным образом выплатит капитал и проценты. Но если я судил неверно и клиент останется без гроша, займодавец потеряют и свои деньги, и веру в мою компетентность. А поскольку займодавцем чаще всего являлся сам банк, я старался не нарываться.

Однако при Гордоне я вряд ли мог натворить много бед, возможности мои были все-таки ограничены. А вот сам Гордон не был ограничен ничем, разве что насчет рискованных миллионных ссуд он обыкновенно консультировался с другими членами правления. Как уже говорилось, открытость была нормой.

Эти неофициальные консультации по времени чаще всего совпадали с ланчем, на который директора, как было заведено, собирались вместе в отдельной директорской столовой. В пять минут первого Гордон смотрел на часы, довольно улыбался и шел туда, где его ждала дружеская компания, томатный сок и жареная баранина; часом позже он возвращался, прояснив и упорядочив свои мысли.

Я получил на время работу Гордона, но не место в правлении, так что был лишен прелестей ланча; и так как на нашей конторской лужайке именно Гордон был пастухом, у меня под рукой не оказалось советников его уровня. Советы Алека отличались либо глубочайшей проницательностью, либо маниакальным безрассудством; но никогда нельзя было угадать заранее – чем именно. Слишком уж рискованные Золушки попадали на бал по мановению Алековой волшебной палочки.

Потому-то Гордон был склонен отводить попечению Алека только «верняки», а прочих Золушек отправлял ко мне и как-то сказал с улыбкой, что на этой работе нервы либо костенеют, либо рвутся; в то время я посчитал, что он слегка преувеличивает. Однако я понял, что он имел в виду, столкнувшись без него с задачей, которая лежала нетронутой на его столе: заявка на субсидирование серии мультипликационных фильмов.

Было бы слишком просто отвергнуть ее... вместе с Утенком Дональдом или, там, Микки-Маусом. Но добрую долю доходов банк получал в качестве процентных платежей от тех, кому ссужал деньги. Если мы не дадим займы, мы не заработаем. Орел или решка. Я набрал номер и пригласил полного надежд мультипликатора прийти со своими предложениями в банк.

Большинство проектов Гордона было наполовину завершено. Самым крупным на данный момент был договор из трех пунктов, согласно которому требовалось предоставить ссуду в четыре миллиона на расширение пекарни. Зная, что Гордон разрабатывал его неделю, я попро-

сту начал оттуда, где остановился Гордон: позвонил людям, предположительно имеющим средства, и спросил, заинтересованы ли они подписаться на «Райскую пиццу» домашней выпечки. Сам банк, согласно расчетам Гордона, вкладывал в это дело только триста тысяч, что заставило меня задуматься, а не ожидал ли он втайне, что массы опять переметнутся к обычному хлебу.

А еще у него на столе, скромно прикрытый папкой, лежал роскошный глянцево-про-спект – приглашение принять участие в многомиллионном строительстве в Бразилии. На про-спекте Гордон, думая о своем, нацарапал карандашом уйму вопросительных знаков и пару пометок типа: «Дать или не дать? Помни, Бразилия! Хватит ли у них кофе??» Наверху первой страницы было решительно начертано красным: «Предварительный ответ в пятницу».

Был уже четверг. Я взял проспект и пошел в конец коридора. Там был другой офис, побольше, где за одним из семи столов сидел человек, почти равный Гордону по положению. И здесь пол был застелен пушистым ковром, и мебель еще приличествовала суммам, распре-деляемым наверху, но вид из окна был уже не тот. Не фонтан, но освещенный солнцем купол собора Святого Павла возвышался, как яйцо Фаберже, над белокаменным муравейником Сити.

– Проблемы? – спросил Почти Равный Гордону. – Чем могу помочь?

– Не знаете, хотел ли Гордон в дальнейшем связываться вот с этим? – спросил я. – Он не говорил?

Коллега Гордона просмотрел проспект и покачал головой.

– Кто там сегодня с вами работает?

– Только Алек. Я спрашивал его. Он не знает.

– Где Джон?

– В отпуске. А Руперта нет из-за жены.

Коллега кивнул. Жена Руперта была при смерти. Ей было двадцать шесть лет. Нелепо и жестоко.

– Я этим займусь, – сказал коллега. – А вы проверьте, куда Гордон запускал щупальца. Пospрашивайте в исследовательском отделе, во Внешних Вложениях, везде. Составьте соб-ственное мнение. Если посчитаете, что овчинка стоит выделки, обратитесь к Вэлу или Генри.

Вэл был шефом Гордона, а Генри был Генри Шиптоном. Я увидел, что и вправду здорово возвысился, став Гордоном. И не знал, радоваться или огорчаться тому, что возвышение это временное.

Весь остальной день я слонялся по банку с этим проспектом и в результате узнавал не столько о Бразилии, сколько о нервотрепке по поводу статьи в «Что Происходит...». Банкиры занимались самокопанием. На вытянутых лицах был написан тревожный вопрос: «А вдруг кто-нибудь... по неведению... упомянул о переходе фирмы в другие руки в присутствии заинтере-сованной стороны?» Как мне представлялось, ответ был краток: такого быть не могло. Скрыт-ность – вторая натура банкиров.

Если газетная статья правдива, вовлечены были трое: продавец, покупатель и информа-тор; и, разумеется, ни покупатель, ни информатор не могли действовать по неведению или случайности. В тайниках души, как черви, копошатся жадность и злой умысел. Если кто-то был заражен ими, он это знал.

Гордон, похоже, никого не спрашивал насчет Бразилии. Что ж, ничего не поделаешь, при-дется «составить собственное мнение». Было бы полезно узнать, что думают на этот счет дру-гие коммерческие банки, шестнадцать акцепторных домов: Шродерс, Гамбро, Морган Грин-филл, Клейнворт Бенсон, Хилл Самуэль, Варбург, Роберт Флеминг, Сингер и Фридландер... Все они, подобно «Поль Эктрин», в кризисной ситуации имели право обращаться за помощью в Английский банк.

Коллеги Гордона в этих банках, должно быть, ломали голову над тем же проспектом. Что в перспективе: выгодное помещение миллионного капитала или миллионы, пущенные на ветер? Рисковать или нет?

Так что же делать?

Задавать прямые вопросы не хотелось и пришлось потратить время на выуживание сведений из слухов и сплетен.

Наконец я отнес проспект Вэлу Фишеру, главе Банковских Операций, который обычно сидел за одним из столов напротив Генри Шиптона, двумя этажами выше нас.

– Ну хорошо, Тим, а как вы сами думаете? – спросил Вэл, гладенький, обходительный, обаятельный коротышка с нервами изо льда и стали.

– Очевидно, у Гордона были сомнения, – сказал я. – Я не знаю какие, да и никто, похоже, не знает. Одно из двух: либо стоит послать им предварительное согласие, а потом разведать побольше, либо же просто довериться инстинкту Гордона.

Он едва заметно усмехнулся:

– И что же делать?

Ах, что делать?

– Думаю, нам следует довериться инстинкту Гордона, – сказал я.

– Отлично.

Он кивнул, а я отправился восвояси и написал вежливое письмо в Бразилию, выражая сожаление. И возможно, еще шесть или семь лет я не узнаю, правильно решил или ошибся.

Азартная игра – эти долгосрочные ссуды. Вы отпускаете хлеб свой по водам и ждете, что когда-нибудь он вернется к вам, намазанный маслом и джемом.

А если не вернется? Что ж, очень жаль.

Год первый: июнь

Гордон позвонил три недели спустя, судя по голосу, совершенно здоровый и бодрый. Я невольно оглянулся на его стол, безмолвный и чистый, поскольку все бумаги с него перекочевали ко мне.

– Мы с Джудит хотели бы поблагодарить вас... – начал он.

– Ну что вы, – сказал я. – Как ваше здоровье?

– Попусту трачу время. Такая нелепость. Но дело вот в чем: нас пригласили на следующий четверг на скачки в Аскот и предложили снять ложу на половинных паях. Мы считаем, что там может быть забавно... У нас шесть мест. Не хотите ли присоединиться? Как наш гость, разумеется. В качестве благодарности.

– Звучит заманчиво, – сказал я. – Но...

– Никаких «но», – прервал он. – Если вас это устроит, Генри возражать не будет. Он сам туда явится. Он согласен, что вы заслужили денек отдыха, и теперь решение за вами.

– Тогда меня это более чем устраивает.

– Отлично. Если у вас нет визитки, не смущайтесь. Мы не на Королевской трибуне.

– Если и вы такое наденете... У меня есть визитка, осталась от отца.

– Ага. Отлично. Тогда так. В час дня в четверг, время ланча. Я пришлю в офис входные билеты для вас. Мы с Джудит будем очень рады, если вы придете. Мы вам очень благодарны. Очень. – Голос его вдруг зазвучал как-то стесненно, в трубке щелкнуло, и связь отключилась.

Мне было интересно, много ли он помнит про белые лица, но при Алеке, Руперте и Джоне, которые все слышали, спросить я не мог. Может быть, на скачках он мне скажет. А может, и не скажет.

Ездить на скачки я давным-давно отвык. Однако в детстве мне пришлось провести несчетные часы в очереди к тотализатору, пока моя мать, изнемогая от радостного азарта, выкладывала стопками банкноты, ставила сбережения, отложенные на потом, на случай, на черный день, и просаживала все это почем зря.

– Я выиграла! – сияя, оповещала она всех вокруг, размахивая неоспоримо выигравшим билетом; а пачки проигравших в том же заезде засовывались в карман, а позже выбрасывались в урну.

А мой отец в это время пил в баре, где со всеми был на короткой ноге, дружелюбный, чистосердечный, великодушный и не слишком умный человек. В конце дня родители отвозили меня домой в «роллс-ройсе» с наемным шофером, и мы всю дорогу счастливо пересмеивались, и пока я не стал достаточно взрослым, не задавался вопросом, есть ли дно у этого рога изобилия.

Я был их единственным ребенком, и они подарили мне очень счастливое детство, настолько счастливое, что при мысли о каникулах мне представлялись яхты на теплых морях или Рождество в Альпах. Злодеем в те дни был мой дядя, который время от времени обрушивался на нас, изрекая Зловещие Пророчества и требуя, чтобы его брат (мой отец) подыскал себе работу.

Однако отец не мог изменить свою природу и начать «делать деньги». Да и в любом случае он по-настоящему не приспособился бы ни к какому делу; не привыкнув трудиться, он тихо презирал тех, кто привык. Его никогда не утомляла бесцельная легкость его жизни, и если он не заслужил ничьего уважения, то и ненависти ничьей не вызвал. Слабовольный, милый, нерасчетливый человек, он был неплохим отцом. Больше он никем не был.

Он умер внезапно от сердечного приступа, когда мне было девятнадцать, и с этого момента Зловещие Пророчества неотвратимо начали сбываться. Они с матерью жили на капитал, полученный в наследство от деда, и большую часть его уже растратили. Оставшегося хва-

тало, чтобы обеспечить мне учебу в колледже; хватало с оглядкой, чтобы мать скромно жила на проценты. Не хватало, чтобы финансировать ее привычные пари, ставки и заклады, от которых она не хотела или не могла отказаться.

Большая часть Зловещих Пророчеств осталась без внимания; я пытался остановить поток, воздвигнуть плотину, брался за любую работу, но течение все уносило к букмекеру, и наконец в дверь постучали кредиторы.

За двадцать пять лет мать, как оказалось, выбросила на ветер чуть не полмиллиона фунтов; все пошло на лошадей: фаворитов и аутсайдеров. Это должно было внушить мне отвращение к скачкам, но странным образом не внушило. Я помнил, как были счастливы они с отцом, принося друг другу радость; и кто скажет, что это не стоит растрченных денег?

– Хорошие новости? – спросил Алек, присматриваясь к моему лицу, без сомнения отражавшему двойственные чувства.

– Гордону стало лучше.

– Хм. Так и должно быть, – рассудительно протянул Алек. – Три недели на грипп... – Он ухмыльнулся. – Долгонько что-то.

Я уклончиво хмыкнул.

– Вот обрадуются все, когда он вернется, правда?

Я бросил взгляд на его довольную, насмешливую физиономию и увидел, что он понимал не хуже меня: когда Гордон вернется и вновь вступит во владение королевством, я совсем не обрадуюсь. Взявшись за работу Гордона и отфыркавшись после первого, захватившего дух нырка, я обнаружил, что мне будто впрыснули здоровую дозу бодрости и силы; обнаружил, что бегаю вверх по лестнице через две ступеньки, и распеваю в ванной, и вообще выказываю все симптомы влюбленности; и, как многие влюбленные, боюсь, что все погубит возвращение мужа. Я подумал, сколько же мне придется выждать второго подобного шанса и окажусь ли я в следующий раз на высоте.

– Не думай, будто я не замечаю, – сказал Алек, и его яркосиние глаза засияли за стеклами в золотой оправе.

– Что замечаешь? – спросил Руперт, поднимая голову от бумаг, на которые он тупо уставился полтора часа назад.

Смерть и похороны его милой жены остались позади, но бедный Руперт все еще тускло смотрел в пространство и обыкновенно слишком поздно улавливал суть разговора. Он вышел на работу два дня назад и за эти два дня не написал ни единого письма, ни разу не позвонил по телефону, не принял ни одного решения. Из сострадания нужно было дать ему время, и мы с Алемом продолжали исподтишка делать всю работу за него, чего он не осознавал.

– Ничего, – сказал я.

Руперт отрешенно кивнул и вновь опустил взгляд. Безутешное горе превратило его в робота. Я, наверное, никого не любил так мучительно. И наверное, надеялся никогда не полюбить.

Джон, также недавно возвратившийся, но из отпуска, еще пылал огненным загаром и с трудом приспособивался втискивать потрясающие детали своих сексуальных походов в краткие моменты, когда Руперт выходил в умывальную. Ни Алек, ни я не верили Джоновым сагам, но Алек, по крайней мере, находил их забавными, а я нет. Таилась в них некая доля женоненавистничества, как будто каждый раз, похваляясь, что овладел женщиной (вправду или нет), Джон давал выход своей злости. Собственно, он не пользовался словом «овладеть». Он говорил «трахнуть», «завинтить», «поймать телочку». Мне он не слишком нравился, а он считал меня самодовольным педантом; мы были неизменно вежливы друг с другом в офисе и никогда не ходили вместе на ланч. И только он, единственный из всех нас, действительно нетерпеливо ожидал возвращения Гордона, потому что не умел скрыть свое смятение: а вдруг именно я займу опустевшее «свято место», заступив дорогу самому Джону.

– Конечно, если бы я был здесь... – повторял он по крайней мере раз на дню; и Алек докладывал, что Джон вроде бы слышал, как Почти Равный Гордону сказал в коридоре, что теперь ставка на него, Джона, и работу Гордона отберут у меня и передадут ему.

– Это он говорил? – удивленно переспросил я.

– Ну да. И еще намекал, что это сам Старик дал тебе зеленый свет и Джон ничего не мог с этим поделать. Здорово надулся наш донжуан. Говорит, что это все потому, что ты есть ты, и все тут.

– Пошел он в задницу.

– Только в твою, а не в мою!

Алек негромко фыркнул в конторскую книгу, потом засел за телефон и принялся искать вкладчиков, которые согласились бы дать деньги на установку канализационного и водоочистного оборудования в Норфолке.

– Тебе известно, – словоохотливо заявил он, продолжая набирать номера, – что в Западном Берлине довольно много ферм, использующих нечистоты, и что они платят восточным берлинцам за вывоз отходов?

– Нет, неизвестно. – Да мне было и неинтересно, но Алек, по обыкновению, был набит бесполезной информацией и обожал ее распространять.

– Восточные берлинцы берут деньги и вываливают кучи дерьма в чистом поле. Непереработанного, имей в виду.

– Заткнись, – сказал я.

– Я это видел, – добавил он. – И нюхал. Редкая мерзость.

– Может быть, это были удобрения, – сказал я, – но тебя-то зачем носило в Восточный Берлин?

– Свидание с Нефертити.

– У нее правда один глаз?

– Боже мой, ну да, так в этом же и весь шик! Да... алло... – Он пробился к своему предполагаемому денежному источнику и принялся долго, подробно и с явным удовольствием объяснять, как необходимо дополнительное оборудование для переработки грязного потока, который убивает окружающую среду. – Разумеется, никакого риска, это же Управление водными ресурсами. – Он послушал. – Так я могу на вас рассчитывать? Отлично. – Он деловито черкнул в блокноте и вежливо попрощался. – Ну, с этим все. Верняк дело. Экология и все такое. Ерунда сентиментальная.

Я подровнял пачку бумаг своего дела, которое трудно было назвать «верняком», и отправился к Вэлу Фишеру; по счастью, тот оказался в большом офисе почти один. Генри Шиптон, видимо, пустился в одно из своих частых странствий по другим департаментам.

– По поводу мультипликатора, – сказал я. – Можно посоветоваться?

– Возьмите стул. – Вэл кивнул и гостеприимно помахал рукой, и я сел возле него, разложил бумаги и принялся рассказывать, как я две недели тому назад провозился три часа с очень уверенным в себе художником.

– Ему отказали сначала в местном банке, потом в трех других фирмах, таких как наша, – сказал я. – У него нет имущества, которое можно реализовать за долги, нет гарантий. Он снимает квартиру и все никак не купит машину. Если мы субсидируем его, придется просто поверить ему на слово.

– Предпосылки? – спросил Вэл. – Происхождение?

– Очень приличное. Сын крупного торговца. Почитался в художественной школе оригинальным талантом: я говорил с директором. В банке у него открытый счет, но управляющий сказал, что глава фирмы не даст субсидию, сколько он запрашивает. Последние два года он работал на студии, выпускающей рекламные ролики. Там сказали, что он хороший специалист

и в своем деле разбирается. Они знают о его желании работать самостоятельно, считают, что он на это способен, и не хотят его потерять.

– Сколько ему лет?

– Двадцать четыре.

Вэл одарил меня взглядом типа «о-хо-хо», зная, как и я, что именно возраст мультипликатора прежде всего вызвал отрицательный ответ в других банках.

– Что ему нужно? – спросил Вэл, но выглядел он так, будто уже решил отказать.

– Студия, оборудованная надлежащим образом. Средства, чтоб нанять десять художников-копировщиков, учитывая, что может пройти год, прежде чем будет закончен хотя бы один фильм и можно будет ожидать получения прибыли. Средства на поощрение. Средства ему на жизнь. Вот примерные подсчеты.

Вэл склонился над бумагами, моментально привел в порядок мелкие аккуратные черты лица, выпятил ровные темные усики и наморщил лоб, отчего выгнутые дугой брови задралась к черной челке.

– Почему вы ему сразу не отказали? – наконец спросил он.

– Гм... Посмотрите на его рисунки. – Я открыл другую папку и расстелил перед ним буйно расцветченную череду листов, представлявших портреты двух персонажей и их забавную историю. Я понаблюдал за утомленно-мудрым лицом Вэла, пока он пересматривал листы; увидел пробуждающийся интерес, услышал смех. – Вот именно, – сказал я.

– Пф. – Он откинулся на спинку стула и окинул меня оценивающим взором. – Уж не хотите ли вы сказать, что мы должны за него взяться?

– Оно, конечно, рискованно, и никаких гарантий. Но я бы сказал – да. Разумеется, на всякий случай надо приставить к нему опытного бухгалтера, который следил бы за состоянием дел и сообщал, стоит ли финансировать дальнейшее расширение.

– Хм. – Он поразмыслил какое-то время, поглядывая на рисунки, которые все еще казались мне забавными, хотя я за две недели насмотрелся на них достаточно. – Ну, не знаю. Больно уж пальцы у него веером.

– Может, это режутся крылья? – кротко спросил я, и в глазах Вэла мелькнула веселая искорка. Он выровнял стопку рисунков и вложил их обратно в папку.

– Оставьте это, хорошо? – сказал он. – Я поговорю с Генри во время ланча. – И у меня мгновенно возникло неловкое чувство, что они будут обсуждать не только и не столько мультипликатора, сколько основательность моих суждений. Если они сочтут меня глупцом, я в два счета окажусь позади Джона в очереди на повышение.

Однако в половине пятого зазвонил мой внутриофисный телефон, и на другом конце провода был Вэл.

– Зайдите и заберите ваши бумаги, – сказал он. – Генри говорит, что целиком полагается на ваше решение. Так что пан или пропал – решать вам.

Первый раз появившись на Королевских скачках в Аскоте, человек, в зависимости от его взгляда на мир, испытывает либо восторженное изумление, либо пуританское негодование. Либо душа воспаряет при виде изумрудных травяных дорожек, бесчисленных цветников, ярких платьев, игривых шляп и элегантных мужчин в пристойно-сером, либо возмущается презренным мотовством, легкомыслием и клеймит позором шампанское с земляникой, пока в мире кто-то голодает.

Я, несомненно, принадлежал к жизнелюбам: и по воспитанию, и по наклонностям. Так уж случилось, что Королевские скачки в Аскоте были единственным событием в мире скачек, из которого мои родители неизменно исключали меня. Три из четырех дней праздника детей на Королевскую трибуну не допускали, а мать в данном случае интересовали не столько ставки, сколько возможность повращаться в обществе. Школа, твердо повторяла она каждый

год, должна быть на первом месте; правда, в другие дни эта строгость как-то забывалась. Так что я испытывал ощущение двойного праздника, проходя через ворота в воскрешенном отцовском наряде и прокладывая путь через возбужденную толчею к указанной верхней закрытой трибуне.

– Добро пожаловать на представление! – бодро сказал Гордон, вручая мне бокал с пузырящимся напитком, а Джудит в желтом шелке, мурлыкая от удовольствия, воскликнула:

– Ну, разве не здорово?

– Изумительно.

Я и вправду так думал. Загоревший и поздоровевший Гордон представил меня хозяину ложи:

– Дисдэйл, это Тим Эктрин. Он работает в банке. Тим – Дисдэйл Смит.

Мы обменялись рукопожатием. Рука Дисдэйла была пухлая и горячая, как и его тело и лицо.

– Рад познакомиться, – сказал он. – Вам уже нашли? Отлично. Знакомы с моей женой? Беттина, солнышко, поздоровайся с Тимом.

Он положил руку на талию девушки более чем вдвое моложе его самого. На девушке было обтягивающее белое в черный горошек платье, низко вырезанное на груди и спине. Еще была широкая черная шляпа, прекрасная кожа и нежная, отработанная улыбка.

– Привет, Тим, – сказала она. – Я так рада, что вы пришли!

Ее голос, по-моему, походил на все остальное: эффектный, хорошо поставленный, неестественно мелодичный и все-таки еле заметно отдающий сточной канавой.

Сама ложа была приблизительно пять на три ярда, большую часть ее занимал обеденный стол на двенадцать персон. Одну стену целиком заменяло окно с видом на зеленый скаковой круг; за стеклянной дверью начинались ступени, ведущие вниз на обзорный балкон. Стены ложи были по-домашнему обиты бледно-голубой рединой; пушистый голубой ковер, розовые цветы и картины создавали атмосферу роскоши, на что ушло гораздо меньше средств, чем могло показаться. В ложах, в которые я по пути заглядывал, стены большей частью были покрашены строителями в универсальный маргариновый колер, и я мимоходом прикинул, у кого из них такой хороший вкус – у Дисдэйла или у Беттины.

Генри Шиптон и его жена стояли в проеме балконной двери, глядя один внутрь, другая наружу, как двуликий Янус. Генри приветствовал меня через всю комнату, приподняв бинокль, а у Лорны, как всегда, был такой вид, словно она заметила чью-то оплошность.

Лорна Шиптон, высокая, невыносимо самоуверенная и одетая этим цветистым днем в глухое серое платье от дорогого портного, была женщиной, от которой презрение струилось, как поток. Казалось, она не знала, что слова могут ранить, и не видела причин не обнародовать во всеуслышание невеликодушные мысли. Я встречал ее примерно столько же раз, сколько и Джудит Майклз, и по большей части в тех же обстоятельствах, и если я подавлял в себе любовь к одной, то по отношению к другой мне приходилось скрывать раздражение. Естественно, судьба распорядилась так, что из них двоих именно Лорна Шиптон оказалась моей соседкой по столу.

Остальные гости прибыли после меня. Дисдэйл и Беттина приветствовали их возгласами и поцелуями, потом устроили что-то вроде общего невнятного представления, но имена были незамедлительно забыты. Дисдэйл решил, что будет меньше толкотни, если все усядутся, так что занял свое место во главе стола, а Гордон сел напротив, спиной к окну. Когда оба устроили вокруг себя своих гостей, оказалось, что два места свободны: одно рядом с Гордоном, одно с края Дисдэйла.

Лорна Шиптон сидела справа от Гордона, затем я; слева от него было свободное место, потом Генри, за ним Джудит. Девушка справа от меня почти все время просидела отвернув-

шись, разговаривая с пригласившим ее Дисдэйлом, так что, хоть я хорошо изучил ее спину и плечо в голубом шифоне, я так никогда и не узнал ее имени.

Смех, болтовня, изучение расписания заездов, то и дело наполняемые бокалы; Джудит в шляпе с желтыми шелковыми розами; Лорна, извещающая меня, что моя визитка выглядит несколько тесноватой.

– Осталась от отца, – пояснил я.

– Очень глупый человек!

Я вытаращил на нее глаза, но она явно не собиралась меня оскорблять, она просто выразила свое мнение.

– Прекрасный день для скачек, – сказал я.

– Вы должны были быть на работе. Вы знаете, что вашему дяде Фредди это не понравится. Я уверена, что, когда он выручил вас, он поставил условие, чтобы вы и ваша мать держались подальше от ипподромов. А вы снова здесь! Это плохо, очень плохо. Я, разумеется, обязана буду ему сообщить.

Меня всегда поражало, как Генри ее терпит. Да и всех, кого ни возьми, поражало, как он на ней женился. Однако он, по супружеской привычке, уловил голос жены с другого конца стола и дружелюбно пояснил:

– Фредди знает, что Тим здесь, дорогая. Мы с Гордоном добились, как говорится, временной отмены обета. – Он с улыбкой подмигнул мне. – Гнев Господень предотвращен.

– О-о! – разочарованно протянула Лорна Шиптон, и я заметил, что Джудит с трудом удерживается от смеха.

Дядя Фредди, экс-вице-председатель, ныне в отставке, еще настолько принадлежал к банку, что там всегда чувствовалось его незримое присутствие. Я знал, что он имеет обыкновение два-три раза в неделю звонить Генри и выяснять, как идут дела; но лишь из накопившегося интереса, а не из желания вмешаться. И конечно, однажды настояв на своем, он больше никогда не вмешивался в жизнь матери и мою.

В этот момент прибыл последний гость Дисдэйла. Было такое впечатление, что его появление сопровождается пением незримых фанфар; он вошел немного театрально, точно ожидая торжественной встречи и сознавая свое право на нее. Дисдэйл вскочил на ноги, приветствуя гостя, и дружески хлопнул его по спине:

– Кальдер, вот здорово! Знакомьтесь, это Кальдер Джексон.

Последовали восхищенные взвизги гостей Дисдэйла и вежливые улыбки гостей Гордона.

– Кальдер Джексон! – Дисдэйл оглянулся на стол. – Вы знаете, он просто волшебник. Возвращает лошадей к жизни. Да вы, должно быть, видели его по телевизору.

– О да, – отозвался Гордон. – Разумеется.

Дисдэйл просиял и вернулся к гостю, который с показной скромностью упивался комплиментами.

– Кто это, он сказал? – спросила Лорна Шиптон.

– Кальдер Джексон.

– Кто?

Гордон покачал головой, явно неосведомленный. Он вопросительно поднял брови, обернувшись ко мне, но я также незаметно качнул головой. Однако мы прислушались и вскоре поняли.

Кальдер Джексон был невысокий человек с прической, рассчитанной на то, чтобы ее замечали. Рассчитанной в буквальном смысле, как я догадывался. Темные кудри, оттененные благородной сединой, у шеи были сострижены на нет, но свободно и мягко спадали с макушки на лоб; борода узкой каймой росла от висков по всей линии подбородка. Борода тоже была густая и вьющаяся, но почти белая от седины. Анфас его обветренное лицо было обрамлено

кудрями; в профиль он выглядел так, будто носил шлем. «Или ведро для угля», – непочтительно подумал я. В любом случае раз увидишь, никогда не забудешь.

– Это просто дар, – возразил он кому-то. Была в его голосе какая-то острота, более властная, чем громкость: легкий простонародный акцент, но не определишь откуда; уверенность, рожденная успехом.

Девушка, сидящая рядом со мной, была в экстазе.

– Как чудесно, что мы с вами встретились! Столько всяких слухов... Скажите, ну пожалуйста, скажите нам, в чем ваш секрет!

Кальдер Джексон ласково оглядел ее, его взгляд на мгновение скользнул от нее ко мне и тут же вернулся обратно. Меня он спокойно списал со счетов, поскольку я не представлял интереса, но девушке любезно сообщил:

– Здесь нет секрета, моя дорогая. Никакого секрета! Просто хороший корм, хороший уход и несколько проверенных веками лекарственных трав. И конечно... ну... приложить руки...

– Но как, – воскликнула девушка, – как вы это делаете с лошадьми?

– Я просто... прикасаюсь к ним. – Он обезоруживающе улыбнулся. – А потом приходит время, я чувствую, что они вздрагивают, и знаю, что это от меня к ним переходит целительная сила.

– И это всегда получается? – вежливо спросил Генри, и я с интересом отметил, что в его голосе не прозвучало ни тени скрытого сомнения; а ведь легковерие Генри можно измерить в микрограммах, если найдется прибор.

Кальдер Джексон отнесся к вопросу очень серьезно и медленно покачал головой:

– Если я работаю с лошадью достаточно долго, это в конце концов происходит. Но не всегда. Как это ни печально, не всегда.

– Просто колдовство! – сказала Джудит и заслужила одну из его легких ласковых улыбок.

Был Кальдер Джексон шарлатаном или нет, но средства он подбирал правильно: запоздалый приход, скромное поведение, никаких неумеренных обещаний. И, насколько я понимал, он действительно мог делать то, о чем говорил. Целители были во все века, так почему бы не быть и целителю лошадей?

– Можете ли вы лечить людей? – спросил я, в точности имитируя тон Генри. Никакого сомнения. Чистый интерес.

Кудрявая голова повернулась ко мне скорее любезно, нежели охотно, и целитель терпеливо ответил на вопрос, который, должно быть, ему задавали уже тысячи раз. По затверженному порядку слов видно было, что и ответ он повторял столько же раз.

– Каким бы даром я ни обладал, он предназначен специально для лошадей. У меня нет уверенности, что я могу лечить людей, и я предпочитаю не рисковать. Я просил людей не обращаться ко мне, не хочу их разочаровывать.

Я кивнул в знак благодарности и понаблюдал, как он поворачивает голову и с готовностью отвечает Беттине на следующий вопрос, как будто его тоже никогда прежде не задавали.

– Нет, исцеление редко происходит моментально. Мне нужно находиться какое-то время рядом с лошадью. Иногда всего несколько дней. Иногда несколько недель. Трудно сказать заранее.

Дисдэйл грелся в лучах знаменитости, успешно пойманной на крючок, и рассказывал всем вокруг, что двое из бывших пациентов Кальдера участвуют в скачках как раз сегодня.

– Верно, Кальдер?

Кудрявая голова кивнула.

– Кретонна, в первом заезде, у нее были разорваны кровеносные сосуды, и Молино, в пятом, он попал ко мне с инфицированными ранами. У меня такое чувство, будто они стали моими друзьями. Будто я сто лет их знаю.

– И мы можем на них поставить, Кальдер? – плутовато спросил Дисдэйл. – Они могут победить?

Целитель снисходительно усмехнулся:

– Если будет скакать достаточно быстро, Дисдэйл.

Все рассмеялись. Гордон вновь наполнил бокалы своих гостей. Лорна Шиптон не слишком кстати заявила, что она время от времени раздумывает, не заняться ли ей Христианской Наукой, а Джудит поинтересовалась, какого цвета платье на королеве. Вечеринка Дисдэйла весело набирала обороты; тут дверь из коридора осторожно приотворилась.

Все мои надежды на то, что шестое место Гордона было предназначено кому-нибудь вроде Беттины специально для того, чтобы скрасить мой досуг, немедленно рухнули. Вошедшая леди, с которой Джудит обменялась нежным поцелуем в щечку, была ближе к сорока, чем к двадцати пяти, и вовсе не стройна, скорее даже грузновата. На ней был коричневато-розовый льняной костюм и маленькая белая соломенная шляпка, отделанная коричневато-розовой тесьмой. Костюм определенно ношенный; шляпка новая из уважения к случаю.

Теперь пришла очередь Джудит представлять новоприбывшую: Пенелопа Уорнер – Пен, – близкая подруга ее и Гордона. Пен Уорнер села, куда ее усадили – рядом с Гордоном, – и затеяла приватный разговор с Генри и Лорной. Я вполуха слушал и отмечал кое-какие разрозненные детали, как то: отсутствие колец на пальцах, лака на ногтях, седины в коротких каштановых волосах, искусственности в голосе. Достойная дама, подумал я. Доброжелательна, слегка скучновата. Возможно, посещает церковь.

Появилась официантка, а с ней великолепный ланч, в течение которого я время от времени прислушивался к Кальдеру, на все лады превозносящему достоинства кресс-салата за содержание в нем железа и чеснока – за помощь при лечении лихорадки и поноса.

– И конечно, в разумных дозах, – говорил он, – чеснок буквально спасает жизнь при коклюше. Вы готовите припарку и каждую ночь прикладываете ее к пяткам ребенка, закрепляете бинтом, надеваете носок и утром слышите, что дыхание вашего ребенка отдает чесноком и кашель утих. Чеснок фактически все лечит. Поистине волшебное, жизненно необходимое растение.

Я увидел, что Пен Уорнер подняла голову, прислушиваясь, и подумал, что ошибался насчет церкви. Я не разглядел в ее глазах долгого житейского опыта, печального понимания бренности людской. Мировой судья, может быть? Да, может быть.

Джудит перегнулась через стол и поддразнила:

– Тим, вы даже на скачках не можете забыть, что вы банкир?

– Что? – переспросил я.

– Вы смотрите на всех так, будто решаете, сколько и кому можете ссудить без риска.

– Я ссужу вам свою душу.

– Чтоб я выплатила проценты своей?

– Платите любовью и поцелуями.

Безобидный вздор, легкомысленный, как ее шляпка. Генри, сидевший рядом с ней, сказал в том же духе:

– Вы второй в очереди, Тим. У меня преимущественное право, так ведь, Джудит? Дорогая моя, рассчитывайте на последнюю каплю моей крови.

Она нежно погладила его руку и слегка просияла от глубокой истины, содержащейся в наших праздных заверениях. Тут снова врезался голос Кальдера Джексона:

– Трава под названием «окопник» с поразительной быстротой излечивает ткани, хронические язвы затягивает в течение суток, а переломы с его помощью срастаются за половину обычного срока. Окопник – поистине волшебное растение.

Разговор сменил тему, и за столом заговорили про коня по имени Сэнд-Кастл: шесть недель назад он выиграл приз в 2000 гиней и теперь считался фаворитом на «Приз Эдуарда VII», скачки для трехлеток, главного события сегодняшнего дня.

Дисдэйл как раз видел в Ньюмаркете ту скачку «2000 гиней» и был радостно возбужден.

– Так и летит над землей, ног не видать! Положительно пожирает пространство, – говорил он во всеуслышание. – Высокий поджарый жеребец, полон огня.

– Однако дерби он проиграл, – рассудительно отозвался Генри.

– Ну да, – признал Дисдэйл. – Но вспомните, он пришел четвертым. Это ведь не полное бесчестье, не так ли?

– Как двухлетка, он был хорош, – кивнул Генри.

– Да просто великолепен! – пылко воскликнул Дисдэйл. – И только вспомните его родословную. От Кастла и Амперсэнд. Трудно подобрать лучшую пару.

Не всем были знакомы эти имена, однако все почтительно закивали.

– Он мой банкир, – сказал Дисдэйл, распростер руки и хохотнул. – О'кей, у нас тут полон дом банкиров. Но я нынче доверяю свои деньги Сэнд-Кастлу. Ставлю на него и удваиваю капитал на каждом скачке. Утраиваю. Умножаю. Верьте слову доброго дядюшки Дисдэйла. Сэнд-Кастл – самый надежный банкир в Аскоте! – Его голос положительно потрясал евангельской верой. – Он просто не может проиграть.

– Вам нельзя ставить, Тим, – сурово прошептала мне на ухо Лорна Шиптон.

– Я не моя мать, – кротко ответил я.

– Наследственность, – мрачно сказала Лорна. – А ваш отецпил.

Я подавил смешок и в отличном настроении принялся за свою землянику. Что бы я ни унаследовал от своих родителей, только не склонность к их дорогостоящим удовольствиям; скорее, твердое намерение никогда больше не допускать судебных исполнителей к нажитому имуществу. Эти флегматичные господа забрали даже лошадку-качалку, на которой шести лет от роду я в своих фантазиях выигрывал Национальный кубок. Мать со слезами хватала их за руки, объясняла, что это мои вещи, а не ее и господа должны их оставить, а господа, как глухие, направились к выходу, унося с собой все пожитки. Из-за собственных пропавших сокровищ мать тоже страдала, но здесь ее страдание и горе безнадежно смешивались с виной.

В двадцать четыре года я уже достаточно повзрослел, так что смог отделаться пожатием плеч от наших подлинных потерь и более или менее возместить их (кроме лошадки-качалки), но ярость того дня впечаталась в мою жизнь намертво. Я молчал, когда это происходило; я был бледен и нем от бешенства.

Лорна Шиптон ненадолго отвлеклась от меня и перенесла свое неодобрение на Генри. Она велела ему не брать к землянике ни сливок, ни сахара: ей не понравится, если он наберет вес, заработает сердечный приступ или покроется сыпью. Генри безропотно взглянул на запретные лакомства, к которым он и не собирался прикасаться. Боже сохрани меня, подумал я, от женитьбы на Лорне Шиптон.

Мирное времяпрепровождение за кофе, бренди и сигарами было нарушено. Народ ринулся к кассам, возлагая надежды на первый заезд, а я, игрок не настолько азартный, что бы там ни думала миссис Шиптон, неторопливо вышел на балкон и полюбовался «королевской» процессией: лоснящиеся лошади, открытые экипажи, золото, блеск, плюмажи колышутся, и точно волшебная сказка легкой рысью движется по зеленой дорожке.

– Ну разве не чудо? – раздался голос Джудит за моим плечом, и я взглянул на ее выразительное лицо и встретил прямой взгляд смеющихся глаз. Проклятье, подумал я, мне хотелось бы жить с женой Гордона.

– Гордон пошел делать ставки, – сказала она, – так что, наверное, у меня есть возможность... То, что случилось, его ужасно потрясло... знайте, мы в самом деле очень благодарны вам за все, что вы сделали в тот кошмарный день.

Я покачал головой:

– Я ничего не сделал, поверьте.

– Ну, это еще полдела! Вы ничего не сказали. В банке, я имею в виду. Генри говорит, что не просочилось ни шепота.

– Но... я же не мог...

– Многие люди могут, – вздохнула она. – Вы же знаете этого Алека!

Я невольно рассмеялся:

– Алек – человек незлой. Он бы не рассказал.

– Гордон говорит, что он молчалив, как рыночный зазывала.

– Не хотите ли спуститься и посмотреть лошадей? – спросил я.

– О да. Наверху чудесно, но слишком далеко от жизни.

Мы спустились к паддоку поглядеть в непосредственной близости на лошадей, которых прогуливали по кругу, и на жокеев, садящихся в седла в ожидании выезда на дорожку. От Джудит исходил чудный запах. «Остановись! – сказал я себе. – Остановись».

– Вон та лошадь, – показал я, – это про нее говорил Кальдер Джексон. Он ее вылечил. Кретонна. Жокей в ярко-розовом.

– Собираетесь на нее поставить? – спросила Джудит.

– Если хотите.

Желтые шелковые розы кивнули, и мы весело встали в очередь делать ставки. Вокруг нас двигались серые цилиндры, пузырились легкие платья, толпа Аскота бурлила, кипел и пенился праздник в сиянии солнца, фантастический обряд, вера в чудо, торжествующая над грубой реальностью. Вся жизнь моего отца была погоней за духом, который я улавливал на лицах здесь, в «королевском» Аскоте; заманить бы в ловушку счастье...

– О чем вы так торжественно думаете? – спросила Джудит.

– Поедатели лотоса безвредны. Пусть бы террористы ели лотосы.

– Как строгая диета, – сказала она, – они вызывают тошноту.

– В такой день можно влюбиться.

– Да, можно. – Она с преувеличенным вниманием разглядывала свою программку бегов. – Но нужно ли?

После паузы я сказал:

– Нет. Не думаю.

– Я тоже. – Она взглянула на меня серьезно, с пониманием и с затаенной улыбкой. – Я знаю вас шесть лет.

– Я не заслуживаю доверия, – сказал я.

Она рассмеялась, и минута прошла, но признание было совершенно ясно сделано и в известном смысле принято. Я остался рядом с ней, и между нами не возникло неловкости, скорее, возросла теплота. И во взаимном согласии мы решили остаться на первый заезд у паддока, а не карабкаться вверх по лестницам, чтобы, добравшись до ложи, обнаружить, что лошади пришли к финишу.

Проводив взглядом спины жокеев, легким галопом направивших своих лошадей к месту старта, я сказал, будто продолжая разговор:

– Кто такой Дисдэйл Смит?

– Ох... – Мой вопрос ее позабавил. – Он имеет какое-то отношение к автомобильной промышленности. Любит пустить пыль в глаза, вы сами видели, но не думаю, что дела его так хороши, как он прикидывается. Во всяком случае, Гордону он сказал, что подыскивает кого-нибудь, с кем можно разделить расходы на эту ложу, и спросил, не хочет ли Гордон снять сегодня половину. Он точно так же сдает половину и в другие дни. Не думаю, что он имеет право так делать, пожалуй, об этом лучше никому не говорить.

– Хорошо.

– Беттина – его третья жена, – продолжила Джудит. – Она манекенщица.

– Очень мила.

– И далеко не так глупа, как выглядит.

Я услышал сухость в ее голосе и сообразил, что мои слова прозвучали снисходительно.

– Понимаете, – великодушно сказала Джудит, – его вторая жена была прекраснейшим из земных созданий, но в ее голове две мысли одновременно не умещались. Даже Дисдэйла утомляла совершенная пустота в сияющих фиалковых глазах. Конечно, когда все мужчины при первой встрече бросаются ухаживать за вашей женой, это как-то льстит, только вот приходится спускаться с небес на землю, когда через пять минут те же мужчины констатируют ее полнейшую тупость и начинают жалеть вас.

– Могу представить. Что с ней случилось?

– Дисдэйл познакомил ее с парнем, который унаследовал миллионы, и коэффициент умственного развития у него был под стать ей. Последнее, что я слышала о них, – купаются в блаженстве.

Оттуда, где мы стояли, беговой круг было не разглядеть, и мы увидели лошадей, только когда они подходили к финишному столбу. Никким образом я не рассчитывал на это, но когда оказалось, что на первой лошади сидит жокей в ярко-розовом, Джудит вцепилась в мою руку и затрясла ее.

– Это же Кретонна, правда? – Она послушала, как объявляют номер победителя. – Вы понимаете, Тим, что мы с вами выиграли кучу денег?

Она засмеялась от удовольствия, и лицо ее было освещено солнечным светом и нечаянной радостью.

– Молодчина Кальдер Джексон!

– А вы ему не верили, – сказала она. – Я видела по вашим лицам, по вашему, и Генри, и Гордона. У всех одна и та же манера вглядываться человеку в душу; и у вас тоже, хоть вы еще так молоды. Вы все так неправдоподобно вежливы, он мог и не понять, что за этим кроется.

Я усмехнулся:

– Звучит неприятно.

– Я замужем за Гордоном девять лет, – сказала она.

Тут вдруг опять наступило мгновение тишины, и мы посмотрели друг на друга, безмолвно спрашивая и безмолвно отвечая. Потом она легонько покачала головой; чуть погодя я кивнул в знак согласия и подумал, что с такой женщиной, открытой и умной, я мог бы прожить в согласии всю жизнь.

– Заберем наш выигрыш сейчас или попозже? – спросила она.

– Сейчас, если немного подождем.

Мы подождали вместе, пока все жокеи не взвесились, пока не дали разрешение выплачивать выигрыш, и ожидание не казалось нам тягостным. Мы болтали о пустяках, и время пролетело мгновенно; вернувшись в ложу, мы обнаружили, что все до единого ставили на Кретонну и были в приподнятом настроении от той же удачи. Кальдер Джексон сиял и напускал на себя скромность, а Дисдэйл размахисто откупоривал все новые бутылки «Крюг», шампанского королей.

Сопровождать жену шефа в паддок не то чтобы принято, но это ожидаемая любезность, так что Гордон благодушно приветствовал наше возвращение. Его доверчивое дружелюбие меня и радовало, и печалило: ему не о чем было тревожиться. Сокровище его дома останется там и будет принадлежать ему одному. Одиноким холостякам придется с этим смириться.

Вся заметно развеселившаяся компания в ожидании главного заезда высыпала на балкон ложи. По словам Дисдэйла, он поставил все на своего банкира, Сэнд-Кастла; и хотя говорил он со смехом, я видел, как дергаются его руки, беспокойно вертя бинокль. «Да он завяз в этом по уши! – подумал я. – Плохо для игрока».

Все, кого воодушевила уверенность Дисдэйла, весело сжимали в руках билетки двойных ставок на Сэнд-Кастла. Даже Лорна Шиптон (с розовым румянцем на костлявых скулах) созналась Генри, что только на этот раз, уж такой выдался день, она поставила пять фунтов, поскольку у нее предвидение.

– А вы, Тим? – поддразнил Генри. – Последнюю рубашку?

Лорна несколько смутилась. Я улыбнулся и жизнерадостно сказал:

– Вместе с пуговицами.

– Кроме шуток... – начала Лорна.

– Кроме шуток! – прервал я. – У меня дома еще несколько дюжин рубашек.

Генри рассмеялся и мягко отвел Лорну в сторону, а я обнаружил, что стою рядом с Кальдером Джексонном.

– Вы рискуете? – сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

– Только наверняка. – Он вежливо улыбнулся, отчего его глаза несколько не потептели. – Хотя рисковать наверняка – не значит рисковать.

– А Сэнд-Кастл – наверняка?

Он покачал кудрявой головой:

– Возможность. На скачках нельзя знать наверняка. Лошадь может заболеть. Может споткнуться на старте.

Я посмотрел на Дисдэйла, который слегка вспотел, и понадеялся ради его же блага, что лошадь будет чувствовать себя хорошо и выйдет из конюшни свежей.

– Можете ли вы понять, что лошадь больна, только взглянув на нее? – поинтересовался я. – Я хочу сказать, если вы просто увидите, как она проходит по выводному кругу, вы сможете определить?

Судя по тону ответа, этот вопрос Кальдеру тоже задавали нередко.

– Конечно, иногда это видно сразу, но большей частью настолько больных лошадей не выводят на скачки. Я предпочитаю взглянуть на лошадь вблизи. Обследовать, например, цвет внутренней поверхности века и внутри ноздрей. У больной лошади вместо здорового розового мертвенно-бледный.

Он решительно закрыл рот, как будто закончил речь, но через несколько секунд, в течение которых вся огромная толпа смотрела, как Сэнд-Кастл, освещенный солнцем, вымахивает легким галопом к месту старта, почти благоговейно произнес:

– Это великий конь. Великий.

По-моему, первый раз за весь день у него вырвалось непроизвольное замечание. В дрогнувшем голосе послышался неподдельный энтузиазм.

– Он выглядит великолепно, – согласился я.

Кальдер Джексон улыбнулся, как будто терпеливо снисходя к моим поверхностным суждениям, не сравнимым с глубиной его знаний.

– Он должен был выиграть дерби, – сообщил он. – Его прижали к ограде, он не сумел вовремя высвободиться.

Мое место подле великого человека заняла Беттина, которая взяла его под руку и сказала:

– Дорогой Кальдер, давайте пройдем поближе, там вам будет виднее, чем отсюда из-за спин.

Она одарила меня легкой фотогеничной улыбкой и потянула своего пленника за собой вниз по ступеням.

В гуде, что превратился в рев, скакуны преодолевали дистанцию в полторы мили; длиннее, чем в скачке «2000 гиней», такой же длины, как в дерби. Ко всеобщему унынию, Сэнд-Кастл со своим жокеем в алом и белом никакой сенсации не вызвал и был только пятым, когда участники состязания вышли на последний поворот. Вид у Дисдэйла был такой, будто его сердце сию минуту разорвется.

«Прощай, моя рубашка! – подумал я. – Прощай, предвидение Лорны. Вот-вот лопнет банк, который не может проиграть».

Изнемогающий Дисдэйл, не в силах глядеть, рухнул на один из маленьких стульчиков, что во множестве стояли на балконе; в соседних ложах люди повскакивали на сиденья своих стульев, неистово запрыгали и заорали.

– Сэнд-Кастл вырывается... – заливался голос комментатора из громкоговорителей, но вопли толпы заглушили остальное.

Алое и белое вырывались вперед. Сэнд-Кастл летел над землей, и его видел весь мир. Великий конь, высокий поджарый жеребец, полный огня, покорял пространство.

Наша ложа на главной трибуне была расположена примерно за двести метров до финишного столба, и когда Сэнд-Кастл пронесся мимо нас, впереди него оставались еще три лошади. Однако он летел как молния, и меня до беспамятства захватило это беззаветное мужество, эта необоримая доблесть, эта запредельная воля к победе. Я сгреб Дисдэйла за обвисшее плечо и вздернул его на ноги.

– Взгляните! – прокричал я ему в уши. – Смотрите! Ваш банкир рвется к победе. Он – чудо! Он – мечта!

Дисдэйл с отвисшей челюстью посмотрел в направлении финишного столба и увидел... увидел, как под грохот и рев трибун Сэнд-Кастл, далеко опередив преследователей, стрелой пронесся прямо к призу.

– Он выиграл... – коснеющим языком пролепетал Дисдэйл, так что среди шума я едва его расслышал. – Проклятье, он выиграл...

Я помог ему подняться по ступеням в ложу. Кожа его посерела и взмокла, и он едва переставлял ноги.

– Сядьте, – сказал я, подтягивая первый попавшийся стул, но он помотал головой и, спотыкаясь, добрался до своего места во главе стола. Тяжело рухнув на стул, он протянул трясущуюся руку к шампанскому.

– Боже, – сказал он. – Никогда больше так не сделаю. Никогда в жизни.

– Чего не сделаете?

Он мельком глянул на меня поверх бокала и ответил:

– Все на один раз.

Все. Он и раньше сказал: «Все на банкира...» Я никогда бы не подумал, что он имеет в виду буквально «все»; но что же еще могло вызвать такую физиологическую реакцию?

Тут в комнату гурьбой ввалились все остальные, от радости не чуя под собой ног. Все без исключения ставили на Сэнд-Кастла, спасибо Дисдэйлу. Даже Кальдер Джексон, прижатый к стенке Беттиной, признался, что сделал «маленький вклад в тотализатор; обычно он этого не делает, но ради такого случая...». И если бы он проиграл, подумал я, он бы не признался.

К Дисдэйлу, который только что был близок к обмороку, вернулась неиссякаемая энергия, его пухлые щеки вновь окрасились лихорадочным румянцем. Никто, казалось, не заметил, что у него чуть не случился разрыв сердца, и меньше всех – его жена, которая мило флиртовала с целителем, не получая, впрочем, достойного отклика. Вновь и вновь наполнялись бокалы, вино легко текло в горло, и уже не оставалось сомнений, что этот день для всей теперь перемешавшейся компании прошел с незабываемым успехом.

Немного погодя Генри предложил повести Джудит к паддоку. Гордон, к моему облегчению, пригласил Лорну, и я остался наедине с таинственной леди, Пен Уорнер, с которой я до сих пор обменялся только исполненными глубокого смысла словами: «Как поживаете?»

– Не хотите ли спуститься? – спросил я.

– Да, в самом деле. Но вам нет необходимости идти со мной, если вас это смущает.

– Вы настолько небезопасны?

Глаза ее вмиг распахнулись; она явно затруднялась с ответом.

– Вы чертовски грубы, – сказала она наконец. – А Джудит говорила, что вы прелесть. Я пропустил ее мимо себя на площадку и улыбнулся, когда она вышла.

– Я с удовольствием пойду с вами, – сказал я, – если, конечно, вас это не смущает.

Она метнула на меня неприязненный взор, но, поскольку нам предстояло более или менее в едином строю преодолеть узкий коридор, предназначенный для людей, идущих в противоположном направлении, она мало что могла сказать, пока мы не управились с лифтами, эскалаторами и пешеходными туннелями и вынырнули на свет божий у самого паддока.

Пен, по ее словам, первый раз была в Аскоте. Собственно, она вообще первый раз была на скачках.

– И что вы об этом думаете?

– Изумительно красиво. Изумительно смело. Совершенно бессмысленно.

– Неужели в уродстве и трусости заключается здравый смысл?

– Довольно часто в них заключается жизнь, – сказала она. – Разве вы не замечали?

– Многие люди не могут быть счастливы, пока не испытают отчаяние.

Она тихо засмеялась:

– Они говорят, что трагедия возвышает.

– Вот пусть они с ней и возвышаются, – сказал я. – А я лучше полежу на солнышке.

Мы остановились на верхних ступенях посмотреть, как водят по кругу лошадей, и она рассказала мне, что живет в двух шагах от Джудит по той же улице, в доме, выходящем на общую лужайку.

– Я жила там всю свою жизнь, задолго до того, как появилась Джудит. Мы встретились случайно, как это бывает, в местном магазинчике, и просто пошли домой вместе. Это было несколько лет назад. С тех пор остаемся подругами.

– Повезло, – сказал я.

– Да.

– Вы живете одна? – спросил я.

Ее глаза обратились на меня с затаенным юмором.

– Да, одна. А вы?

Я кивнул.

– Мне так больше нравится, – сказала она.

– Мне тоже.

Ее кожа была чистой и еще девической, лишь полнеющая фигура создавала впечатление зрелых лет. Это да еще выражение глаз, такая печаль в них: «Я многое повидала».

– Вы мировой судья? – спросил я.

Она, похоже, испугалась:

– Нет, что вы. Что за странный вопрос!

Я поднял руки:

– Просто вы выглядите как судья.

Она покачала головой:

– Времени нет, даже если б и было желание.

– Но вы делаете людям много добра.

Она была озадачена:

– Почему вы так говорите?

– Не знаю. На вас написано. – Я улыбнулся, чтобы убрать оттенок серьезности, и сказал:

– Какая лошадь вам понравилась? Может, мы выберем и сделаем ставку?

– Ну, например, Блуждающий Огонь.

По ее словам, ей просто понравилось имя, так что мы быстро добрались до окошечка тотализатора и рискнули частью выигрышей от Кретонны и Сэнд-Кастла.

Медленно лавируя в толпе у паддока и прокладывая путь обратно к ложе, мы наткнулись на Кальдера Джексона, который, будучи окружен почтительно внимающими слушателями, нас не заметил.

– Чеснок действует не хуже пенициллина, – говорил он. – Если вы посыплете тертым чесноком зараженную рану, это убьет все бактерии...

Мы немного замедлили ход, чтобы лучше слышать.

– ...А окопник поистине волшебная трава, – продолжал Кальдер. – С ее помощью вдвое быстрее, чем обычно, срастаются кости и затягиваются трудноизлечимые кожные язвы.

– Он говорил все это наверху, – сказал я.

Пен Уорнер кивнула, слабо усмехнувшись.

– Хорошо продуманная травяная терапия, – сказала она. – Не надо к нему придирааться. Окопник содержит аллантиин, хорошо известный ускоритель процесса размножения клеток.

– Серьезно? Я хочу сказать, вы в этом разбираетесь?

– Гм. – Мы пошли дальше, но она не сказала больше ничего, пока мы не добрались до прохода, ведущего в ложу. – Не знаю, почему вам вздумалось сказать, что я делаю людям добро... но в основном я отмеряю пилюли.

– Вот как?...

Она улыбнулась:

– Я – женщина в белом. Аптекарь.

Видимо, я в какой-то мере был разочарован, и она это почувствовала.

– Что ж, – вздохнула она, – мы не можем все быть очаровательными. Я сказала, что жизнь может уродовать и пугать; я часто убеждаюсь в этом, видя своих заказчиков. Я вижу ужас каждый день... и знаю его в лицо.

– Пен, – сказал я, – простите мое легкомыслие. Вы справедливо меня покарали.

Мы вернулись в ложу и обнаружили там одну Джудит. Генри замешкался, делая ставку.

– Я сказала Тиму, что я аптекарь, – сообщила Пен. – Он думает, что это низменное занятие.

Я не успел высказать и слова протеста, как Джудит прервала меня:

– Она не просто аптекарь. Она незаменима. Половина лондонских медиков обращаются к ней. С вами под ручку ходят золотые россыпи с нежнейшим сердцем.

Она обвила рукой талию Пен, и они обе принялись меня рассматривать. Искорки в их глазах, возможно, означали симпатию. Или ехидное женское превосходство над мужчиной, который лет на шесть моложе их.

– Джудит! – с трудом удалось выдавить мне. – Я... Я... – Больше ничего не выходило. – Черт. Давайте выпьем «Крюг».

Очень вовремя, прервав неловкую минуту, вернулись хохочущие друзья Дисдэйла, а вскоре к толпе присоединились Гордон, Генри и Лорна. Вся компания высыпала на балкон понаблюдать скачку, и поскольку день этот был предназначен для чудес, Блуждающий Огонь легко обошел всех на три корпуса.

Остаток дня промелькнул быстро. В какой-то момент обнаружилось, что мы с Генри стоим в одиночестве на балконе. В ложе разливали чай, который был полностью противоположен моему растянутому желудку, а вечно голодному Генри пришлось убраться подальше от искушения.

– Как там ваш мультипликатор? – добродушно спросил он. – Мы ставим на него или нет?

– Вы уверены... Я должен решить... сам?

– Я же сказал. Да.

– Что ж... Я предложил ему принести в банк еще рисунки. И краски.

– Краски?

– Да. Я подумал, что если увижу его за работой, то буду знать... – Я замялся. – В общем, я привел его в комнату для посетителей и попросил набросать эскиз мультфильма, чтобы я посмотрел, как это делается; и он тут же принялся рисовать на акриловой пленке. Двадцать пять эскизных набросков в ярких цветах, все за один час. Несколько персонажей, оригинальный сюжет и жутко смешно. Это было в понедельник. Потом мне... ну... в общем, эти рисунки мне приснились. Звучит нелепо, я знаю. Может быть, они просто застряли в памяти.

– Но вы решили?

После паузы я сказал:

– Да.

– И?...

Чувствуя запах горящих мостов, я сказал:

– Будем продолжать.

– Отлично. – Генри вроде бы не обеспокоился. – Держите меня в курсе.

– Да, конечно.

Он кивнул и непринужденно сменил тему:

– Мы с Лорной сегодня кое-что выиграли. А вы?

– Достаточно, чтобы дядюшку Фредди возмутила неустойчивость моей личности.

Генри громко расхохотался.

– Ваш дядя Фредди, – сказал он, – знает вас лучше, чем вам может показаться.

Головокружительный день подошел к концу, и мы всей компанией дружно спустились на первый уровень и стали пробираться к выходу: ворота вели на трассу, за ней была автостоянка и крытый переход к станции.

Впереди меня шел Кальдер. Кудрявый шлем доброжелательно склонился к Беттине, выразительный голос благодарил ее и Дисдэйла за «приятно проведенное время». Сам Дисдэйл, который полностью пришел в себя, но утратил связность речи от радости за свой удвоенный, утроенный и умноженный капитал, сердечно похлопывал Кальдера по плечу и приглашал его на уик-энд в «свои владения».

Генри и Гордон, без сомнения самые трезвые из всех, шарили по карманам в поисках ключей от машин и выбрасывали программки скачек в мусорные урны. Джудит и Пен судачили между собой, а Лорна любезно отделялась от друзей Дисдэйла. Кажется, только я, ничем не занятый, глазел по сторонам, и только я хоть что-то замечал вокруг.

Мы вышли на тротуар, пока еще держась рядом, но ожидая случая перейти дорогу, разбиться на мелкие группы, рассыпаться и расстаться. Все говорили, смеялись, суетились; все, кроме меня.

Тут же, на тротуаре, стоял мальчишка, настороженный и неподвижный. Сперва я увидел застывшие, целеустремленные, горящие глаза, мгновением позже джинсы и линялую рубашку, которые резко контрастировали с нашими аскотскими одеяниями, и, наконец, не веря своим глазам, нож в его руке.

Я почти догадался, на кого он нацелился, но не было времени даже крикнуть. Мальчишка очертя голову помчался к нам, на ходу направляя удар.

Я рванулся вперед, почти не раздумывая и, конечно, не оценив последствий. Самый небанкирский поступок.

Сталь была уже почти в животе Кальдера, когда я ее отбил. Я всем телом обрушился на руку мальчишки, точно снаряд, которым разбивают стены, и на краткое мгновение передо мной мелькнуло переплетение нитей на брюках Кальдера, глянец на его ботинках, мусор на мостовой. Мальчишку я подмял под себя и с ужасом сообразил, что где-то между нашими телами он еще сжимает злое лезвие.

Он извивался подо мной, сплошь мускулы и ярость, и пытался меня сбросить. Он упал на спину, лицо его оказалось как раз под моим: глаза сощурены, рот оскален. Врезались в память черные брови, бледная кожа и звук свистящего дыхания, что вырывалось сквозь яростно стиснутые зубы.

Обе его руки были у меня под грудью, и я чувствовал, как он пытается высвободить место, чтобы воспользоваться ножом. Я всем телом навалился на него, твердя про себя: «Не делай этого, не делай этого, чертов дурак»; и твердил я это ради его же блага, что казалось мне в тот момент безумием и еще большим безумием показалось задним числом. Он пытался причинить мне страшный вред, а я думал только о том, в какую беду он попадет, если преуснеет.

Мы оба задыхались, но я был выше и сильнее и мог бы удерживать его еще очень долго, не появившись тут два полисмента, которые до того регулировали дорожное движение. Они видели драку, видели, как они полагали, человека в визитке, который напал на прохожего, видели, как мы боремся на земле. Как бы там ни было, я ощутил их присутствие, когда стальная хватка стиснула мои локти и оторвала меня от мостовой.

Я сопротивлялся изо всех сил. Я не видел, что это полисмента. Я не отводил взгляда от мальчишки: от его глаз, от его рук, от его ножа.

С бесцеремонной силой они оттащили меня прочь, один из них зашел сзади и завернул мне руки за спину. Отчаянно лягаясь, я завертел головой и только тут осознал, что новые противники одеты в темно-синее.

Мальчишка разобрался в ситуации куда быстрее. Извернувшись, он вскочил на ноги, сжался на долю секунды, точно бегун на старте, чуть ли не на карачках ввинтился в толпу, которая все изливалась из ворот, и пропал из виду внутри ипподрома. Там они никогда его не найдут. Там он может скрыться на трибунах и просто выйти через нижние ворота.

Я прекратил сопротивление, но полисмента меня не отпустили. Они и не думали преследовать мальчишку. Они не к месту называли меня «сэр», но обходились со мной без уважения, и если бы я мог рассуждать спокойно, я бы их понял.

– Ради бога, – сказал я наконец одному из них, – что, по-вашему, делает этот нож на мостовой?

Они взглянули туда, где лежал нож; туда, куда он упал, когда мальчишка скрылся. Восемь дюймов острей стали; кухонный ножик с черной рукояткой.

– Парень пытался напасть на Кальдера Джексона, – пояснил я. – Я всего лишь остановил его.

Нас окружили встревоженные Генри, Гордон, Лорна, Джудит и Пен, которые без умолку уверяли закон, что их друг никогда в жизни не напал бы ни на кого без крайней необходимости. А Кальдер изумленно разглядывал и ощупывал порез на поясе брюк.

Фарс потихоньку сводился к тупейшей бюрократической процедуре. Полицейские ослабили хватку, я отряхнул пыль с колен отцовских брюк и поправил перекрученный галстук. Кто-то подобрал мой свалившийся цилиндр и подал его мне. Я улыбнулся Джудит.

Трагикомедия продолжалась. Последствия заняли полвечера и оказались невыносимо нудными: полицейский участок, тяжелые стулья, пластмассовые чашки кофе.

Нет, я никогда не видел мальчишку до того.

Да, я уверен, что мальчишка специально метил в Кальдера.

Да, я уверен, что он просто мальчишка. Лет шестнадцать, наверное.

Да, я узнаю его при встрече. Да, я помогу составить фоторобот.

Нет, моих отпечатков пальцев на ноже ни в коем случае не окажется. Мальчишка сжимал его, пока не сбежал.

Да, конечно, они могут снять мои отпечатки, раз такое дело.

Кальдер, совершенно озадаченный, твердил вновь и вновь, что понятия не имеет, кому могло понадобиться его убивать. Полицейские упорствовали: большинство жертв были зна-

комы со своими убийцами, говорили они, особенно в таких случаях, как этот, когда предполагаемый убийца, похоже, специально поджидал свою жертву. Согласно словам мистера Эктрина мальчик знает Кальдера. Это вполне возможно, говорил Кальдер, поскольку его показывали по телевидению, но Кальдер *не знает* мальчика.

Некоторые полицейские отреагировали молча, зато другие продемонстрировали вызывающее недоверие; тут Кальдер язвительно напомнил, что, если бы они так не старались привлечь к ответу меня, мальчишка уже сидел бы под арестом и им бы не пришлось его искать.

– Сначала спрашивать надо! – сказал Кальдер, но даже я покачал головой.

Если бы я в самом деле был зачинщиком, я мог убить мальчика, пока полиция выясняла у свидетелей, кто на кого напал. Полицейские сначала действовали, потом спрашивали; это было опасно, но куда опасней было бы поступать наоборот.

В итоге мы с Кальдером покинули участок вместе. На улице он сбивчиво попытался выразить мне признательность:

– Э-э... Тим... Благодарю вас за... Если бы не вы... Не знаю, что и сказать.

– Ничего не говорите, – сказал я. – Я сделал это не раздумывая. Рад, что вы в порядке.

Мне казалось, что все остальные давно должны были разъехаться, но Дисдэйл и Беттина ждали Кальдера, а Гордон, Джудит и Пен – меня. Они стояли группой возле каких-то автомобилей и разговаривали с тремя-четырьмя незнакомцами.

– Мы знаем, что и вы, и Кальдер приехали на поезде, – сказал Гордон, подходя к нам, – но мы решили отвезти вас домой.

– Вы чрезвычайно добры, – сказал я.

– Дорогой Дисдэйл... – начал Кальдер. Ему, казалось, все еще не доставало слов. – Право же, большое вам спасибо.

Вокруг него поднялась суматоха; идол подвергся опасности и был спасен. Незнакомцы вокруг машин оказались рыцарями пера, для которых Кальдер Джексон всегда новость, живой или мертвый. К моему ужасу, они заявили о себе, извлекая записные книжки и фотоаппараты, и записали все, кто бы что ни говорил, только вот ничего не добились от меня, поскольку я хотел одного – чтобы они заткнулись.

С таким же успехом можно пытаться остановить лавину, подставив ладонь. Дисдэйл, и Беттина, и Гордон, и Джудит, и Пен сделали дьявольскую работу, в результате которой я на какое-то время попал в историю как человек, который спас жизнь Кальдеру Джексону.

Никто, похоже, не подумал о том, что напавший может предпринять вторую попытку.

Я смотрел на свою фотографию в газетах и гадал, читает ли их мальчишка и знает ли он теперь, кто я такой.

Год первый: октябрь

Гордон вновь приступил к работе; свою подрагивающую руку он старался не выставлять на всеобщее обозрение.

Когда он оживлялся, как в тот день в Аскоте, то, казалось, забывал о маскировке, но в остальное время приспособился сидеть за своим столом, сторбившись и зажав руку меж колен. Я жалел его. Никто не замечал, что его рука дрожит, никто на сей счет не высказывался, но Гордон тайно страдал.

Однако работе это не мешало. Гордон вернулся в июле, бодро поблагодарил меня в присутствии прочих за временное замещение, затем забрал с моего стола свои бумаги и вновь взвалил ответственность на себя.

Джон попросил его, опять-таки в присутствии Алека, Руперта и меня, довести до нашего сведения, что именно он, Джон, должен официально замещать Гордона, если таковая необходимость возникнет вновь. Он подчеркнул, что является старшим и работает в банке дольше, чем я. Он заявил, что Тим Эктрин не должен шагать через головы.

Гордон мягко ответил ему, что, если необходимость возникнет, председатель, принимая решение, несомненно учтет каждый фактор. Джон внятным шепотом отпустил пару ядовитых замечаний насчет любимчиков и незаслуженных привилегий, а Алек иронически посоветовал ему найти такой торговый банк, где не держали бы племянников.

– Что ты как маленький, – сказал он. – Разумеется, они хотят, чтобы следующее поколение продолжило семейный бизнес. Почему бы и нет? Это же естественно.

Но Джон был злопамятен и не понимал, что тратит время впустую, точка на меня зуб. Я, казалось, постоянно занимал его мысли. Он сверкал на меня глазами, в которых горела неподдельная злоба, и при любой возможности старался поднять меня на смех и очернить. Сообщения неизменно замалчивались, и у клиентов создавалось впечатление, что я некомпетентен и меня держат па службе просто из семейной благотворительности. Время от времени звонившие по телефону отказывались иметь дело со мной, говоря, что им нужен Джон, а однажды звонивший сказал прямо:

– Это вы тот плейбой, которого проталкивают наверх, обходя людей с головой?

Джон усиливал нажим, и его можно было понять: наверное, на его месте я и сам потерял бы стыд. Гордон ничего не предпринимал, чтобы обуздать набирающую ход кампанию ненависти, а Алек находил все это забавным. Я чуть не вывихнул мозги, пытаясь найти выход из ситуации, и решил просто больше работать. Я понимал, что Джону очень трудно будет подтвердить свои голословные утверждения.

Агрессию излучало даже его мускулистое тело, на котором странно смотрелся гражданский костюм. Он был среднего роста, стриг свои жесткие рыжеватые волосы очень коротко, так что они щетинились над воротником; говорил громким голосом, будучи, видимо, уверен, что напором можно заменить авторитет; это могло бы сойти в школьном спортзале или на казарменном плацу, но плохо выходило на мягких коврах офиса.

Он пришел в банковское дело, пройдя школу бизнеса и научившись высоко себя ценить и довольно неплохо работать. Я иногда думал, что он мог бы стать отличным экспортным коммивояжером, но не к такой жизни он стремился. Алек говорил, что Джон ловит кайф, объявляя хорошеньким девушкам: «Я – банкир», и под их восхищенными взглядами вырастает в собственных глазах.

Нет, все-таки Алек был злоязычным человеком. Стрелы его жалили весьма ощутимо.

И вот наступил октябрьский день, когда надо мной почти одновременно разразились три урагана. Позвонил мультипликатор; в Сити с грохотом приземлилось «Что Происходит Там,

Где Не Должно Происходить»; и, наконец, на «Эктрин» обрушился с инспекторским обходом дядюшка Фредди.

Поначалу эти три события не были связаны, но под конец дня теснейшим образом переплелись.

Мультипликатор понесся с места в карьер. Я слушал его с оборвавшимся сердцем.

– Я нанял сверх сметы трех художников, и мне нужно еще пять, – говорил он. – Десять – это слишком мало. Я составляю смету дополнительной ссуды на их зарплату.

– Погодите, – сказал я.

Он без запинки продолжал:

– Еще мне, разумеется, понадобится больше места, но с этим, к счастью, проблем не будет, у нас тут под боком пустующий склад. Я подписал договор на аренду и предупредил, что вы выплатите аванс, и, конечно, еще мебель, материалы...

– Остановитесь, – встревоженно сказал я. – Вы не можете.

– Что? Чего я не могу? – Ей-богу, он был сбит с толку.

– Вы не можете просто продолжать брать займы. У вас есть лимит. Вы не можете его превышать. Слушайте, ради всего святого, приезжайте сейчас же сюда, и мы посмотрим, что еще можно отменить.

– Но вы говорили, – его голос поскукнел, – что хотели бы финансировать дальнейшее расширение. Это я и делаю. Расширяюсь.

Я лихорадочно думал, что заработаю шрамы от порки на всю жизнь, как только Генри услышит. Боже мой...

– Слушайте, – не унимался мультипликатор, – мы тут работали как черти и полностью закончили один фильм. Двадцать минут, с музыкой, со звуковыми эффектами, со всякой фигней, титры, там, и прочее. А еще вчерне сработали три штуки, пока без музыки, без финти-флюшек, но приличные... и я их продал.

– Вы – что?

– Продал их. – Он возбужденно засмеялся. – Тут все законно, не сомневайтесь! Этот агент, которого вы ко мне приставили, он заверил продажу и контракт. Мне только подписать оставалось. Эта фирма прямо вцепилась в них! И я буду получать внушительный авторский процент – пожизненный. Широкое мировое распространение, вот что они говорили. И что Би-би-си их возьмет, говорили. Но мы начиная с этого момента должны выпускать двадцать фильмов в год, а не семь, как я намечал. Двадцать! И если публике они понравятся, это только начало. Черт его дерь, самому не верится! Но чтобы делать двадцать одновременно, мне нужна куча денег. Верно? То есть... я так был уверен...

– Да, – слабо выговорил я. – Все правильно. Привезите контракт, когда подпишете, и новые рисунки, и мы обсудим наши дела.

– Спасибо, – сказал он. – Спасибо, Тим Эктрин. Боже благослови ваш драгоценный банк. Я обессиленно уронил трубку и потер лоб.

– Проблемы? – спросил наблюдавший Гордон.

– Да нет, не совсем... – Возбужденный смешок, которым я заразился от мультипликатора, щекотал мне горло. – Я поставил на победителя. Похоже, я вообще поставил на вулкан. – Не удержавшись, я наконец расхохотался. – С вами когда-нибудь бывало такое?

– О да, – кивнул Гордон. – Конечно.

Я рассказал ему про мультипликатора и показал первоначальную стопку рисунков, которые так и лежали в моем столе. Когда Гордон их просмотрел, он рассмеялся.

– Была ли эта заявка у меня на столе, – он наморщил лоб, вспоминая, – как раз перед тем, как я ушел?

Я стал соображать.

– Да, кажется, была.

Он кивнул:

– Я решил отказать.

– Почему?

– Гм. Он ведь очень молод, или что-то еще такое...

– Талант – свойство врожденное.

Гордон скользнул по мне коротким оценивающим взглядом и вернул рисунки.

– Что ж, – сказал он. – Желаю ему успеха.

Известие о том, что дядюшку Фредди заметили в здании банка, мигом разнеслось по всем отделам и заставило выпрямиться многие расхлябанные хребты. Дядюшка Фредди был знаменит тем, что извергал убийственно меткие суждения о людях в их присутствии, и не я один находил, что банк становится гораздо спокойнее (и гораздо самодовольнее), когда он ретируется.

Он был известен как «мистер Фред», в отличие от «мистера Марка» (деда) и «мистера Поля», Основателя. Никто и никогда не звал меня «мистер Тим»: знак изменившихся времен. Следуя установившемуся порядку, дядюшка Фредди проводил утро во Внешних Вложениях, где проработал всю жизнь. После ланча он заворачивал в зал заседаний, из вежливости просовывал голову в Ценные Бумаги и заканчивал марш-броском через Банковские Операции. По пути, руководствуясь внутренним телепатическим чутьем, он узнавал, что творится в коллективном разуме банка, и безошибочно ощущал, откуда дует ветер.

Он был в банке, когда там взорвалась «Что Происходит...».

Алек, по обыкновению, выскользнул к местному ларьку, как раз когда доставили свежие газеты, и вернулся с шестью экземплярами, которые банк официально выписывал. Никто в Сити не мог позволить себе не знать про то, Что Происходит у них под носом.

Алек разносил подписные экземпляры по одному на каждый этаж, а наш придерживал у себя, чтобы прочитать первым, заявляя, что заработал чаевые.

– Твой дядя, – доложил он по возвращении, – закидывает дерьмом беднягу Теда Лорримера из Инвестиций за то, что тот прошляпил с продажей «Уинклер консолидэйтед», когда даже косоглазый бабуин сообразит, что они по уши завязли в центральноамериканских махинациях, а голова, торчащая не оттуда, так и просится, чтоб ее оттяпали.

Гордон негромко фыркнул в стенографический отчет. Алек сел за свой стол и развернул газету. Нормальная жизнь офиса продолжалась где-то минут пять, а потом Алек подскочил на стуле, точно его шилом кольнули.

– И-исус Христос, – прошептал он.

– Что такое?

– Наш младенец опять течет.

– Что? – сказал Гордон.

– Лучше прочитайте это. – Он протянул газету Гордону, который по мере чтения наливался гневом.

– Это позор, – сказал Гордон. Он сделал движение, чтобы передать газету мне, но Джон, вскочив на ноги, только что не силой выхватил ее у него из рук.

– Я должен увидеть первый, – с нажимом проговорил он. Затем отнес газету на свой стол, методически разместился сам, разложил страницы на плоской поверхности и принялся читать.

Гордон безмятежно наблюдал за ним, а я ничем не ответил на вызов. Джон неторопливо дочитал, не сказал ничего, но, стиснув зубы, передал газету не мне, а Руперту; а Руперт проглотил статью, широко раскрыв глаза и тихо ахая, и наконец принес ее мне.

– Скверно, – сказал Гордон.

– Сейчас узнаю. – Я откинулся на спинку стула и поднял оскорбительную колонку к глазам. Озаглавлена она была «Обманки в банке» и гласила следующее:

«Возможно, читателям не слишком хорошо известно, что во многих коммерческих банках две трети годового дохода складывается из процентов на ссуды. Отдел Инвестиций, Управление Кредитов и Общие Финансы – это прикрытие для публики, театральная мишура, маскирующая истинное лицо этих весьма скрытных банков. Они вкладывают (чужие деньги) в рынок ценных бумаг, они выступают в качестве посредников при объединениях и слияниях предприятий, и эта их деятельность год за годом широко освещается на страницах биржевых отчетов.

А ниже этажом, так сказать, лежит хвост, который вертит собакой, таинственный отдел банковских операций, где мирно ссужают деньги из собственных глубоких сундуков и загребают огромные барыши в виде процентов; причем размер процентных ставок устанавливают сами.

Этим процентным ставкам нет необходимости быть высокими. Кто в „Поль Эктрин Лтд“ успешно ссужает сам себе кругленькие суммы из этих сундуков за ПЯТЬ процентов? Кто в „Поль Эктрин Лтд“ открывает частные компании, НЕ занимающиеся тем бизнесом, под который якобы ссужаются деньги? Кто не объявляет, что эти компании принадлежат ему?

Человек-с-улицы (бедный недотепа) был бы счастлив получить неограниченную наличность из „Поль Эктрин Лтд“ за пять процентов годовых и вложить ее туда, где платят больше.

И у банкиров есть свои маленькие развлечения».

Я оторвал взгляд от оскорбительной статьи и взглянул на Алека; тот, разумеется, ухмылялся.

– Интересно, кто запустил руку в банку с вареньем, – сказал он.

– И кто ее там поймал, – добавил я.

– Ага.

Гордон мрачно заметил:

– Это очень серьезно.

– Если этому поверить, – сказал я.

– Но газета... – начал он.

– Да ну, – прервал я, – они уже и раньше на нас наезжали, помните? Еще в мае. Помните, какая тут поднялась суматоха?

– Я был дома... с гриппом.

– Ах да. Ну, фурор давным-давно стих, и никто не выступил с опровержением. Эта сегодняшняя статья просто высосана из пальца. А значит... будем исходить из того, что кому-то захотелось потрепать банку нервы. Кто и что имеет против нас? Чьей спятившей башке мы, например, отказали в ссуде?

Алек уставился на меня с преувеличенным восторгом.

– И тут Шерлок Холмс пришел на помощь, – восхищенно продекламировал он. – Теперь мы можем спокойно пойти пообедать.

Гордон, однако, задумчиво сказал:

– Тем не менее вполне возможно основать компанию и ссудить ей деньги. Все, что для этого требуется, – повозиться с бумагами. Я сам мог бы это сделать. И кто угодно из сидящих здесь, разумеется, в пределах своих возможностей. Если бы думал, что может выйти сухим из воды.

Джон кивнул.

– Нельзя позволять, чтобы Тим или Алек шутили над этим, – значительно сказал он. – Сама репутация банка поставлена под угрозу.

Гордон нахмурился, встал, взял газету с моего стола и пошел поговорить с Почти Равным себе в комнату, окна которой выходили на собор Святого Павла. Сеется ужас, подумал я. Выступает холодный пот, и сердца банкиров трепещут в страхе.

Я мысленно прикинул, кто в нашем отделе имел такую возможность и обладал достаточной властью: тех, кто мог теоретически это сделать, оказалось двенадцать, начиная с Вэла Фишера и кончая мной самим.

Но... не Руперт же, еще погруженный в свое горе: у него нет ни сил, ни желания становиться мошенником.

Не Алек, само собой: просто потому, что он мне нравится.

Не Джон: слишком себя уважает.

Не Вэл, не Гордон: невысказано. Не я.

Остались те, кто пасся на других лужайках, а я не настолько хорошо их знал, чтоб судить. Может быть, кто-то из них поверил, что очень крупный куш стоит риска разоблачения и полного краха; но нам всем и так платили щедро, возможно, именно потому, что искушению легче всего противостоять, когда не приходится выворачивать карманы, чтобы заплатить за газ.

Гордон не возвращался. Утро медленно тащилось к обеденному перерыву, когда Джона известили, что пришел клиент, и он суетливо заторопился навстречу, а Алек подбил Руперта выйти с ним съесть пирожков и попить пива. Я захотел в тишине разобраться с делами и не пошел на ланч и к двум часам дня еще сидел в одиночестве, когда вошел Питер, помощник Генри, и попросил меня подняться на верхний этаж, поскольку меня хотят видеть.

Дядюшка Фредди, подумал я. Дядюшка Фредди читает газетенку и взрывается, как боеголовка. По какой-либо причине он делает вывод, что это моя вина. Нервно вздохнув, я покинул свой стол и поднялся в лифте, чтобы встретиться лицом к лицу со старым воякой, рядом с которым мне никогда в жизни не было легко.

Он подждал меня наверху, разговаривая с Генри. Оба взглянули на меня с высоты своих шести футов. Жизнь казалась бы куда менее ужасной, подумал я, будь дядюшка Фредди чуть пониже ростом.

– Тим, – сказал Генри, завидев меня, – пройдите-ка в малый зал.

Я кивнул и прошел в комнатку за залом заседаний, в которой стоял квадратный полированный стол в окружении четырех или пяти стульев. На столе лежал экземпляр «Что Происходит...», уже истрепанный от многократного прочтения.

– Ну, Тим, – сказал мой дядя, входя в комнату вслед за мной, – ты знаешь, что все это означает?

Я покачал головой:

– Нет.

Мой дядя что-то проворчал про себя и сел, жестом позволив нам с Генри сесть рядом. Генри мог быть председателем, мог даже зваться в служебное время боссом дядюшки Фредди, но седовласому старому тирану помимо всего еще принадлежало личное право собственности на само здание, и он издавна привык обходиться со всеми здесь как с гостями.

Генри рассеянно повертел в руках газету.

– Что вы думаете? – обратился он ко мне. – Кто... вы думаете?

– Может быть, и никто.

Он едва заметно улыбнулся:

– Подстрекатель?

– Гм. Ни одной конкретной детали. Как и в прошлый раз.

– В прошлый раз, – сказал Генри, – я спрашивал у издателя газеты, откуда он получил информацию. Он ответил, что не раскрывает источники. Бесплезно спрашивать вновь.

– Нераскрываемые источники, – фыркнул дядюшка Фредди. – Никогда им не верьте.

Генри сказал:

– Гордон считает, что вы, Тим, сможете поднять дела и узнать, сколько предприятий, если они вообще есть, занимают у нас средства под пять процентов. Вряд ли таких много. Те, что остались со времени, когда проценты были низкими. Те, что когда-то выговорили у нас долгосрочный фиксированный процент. – Он не стал упоминать, что, когда пришло его время, он положил конец таким невыгодным соглашениям, связывающим нас по рукам и ногам. – Если есть среди них хоть одно недавнее, вы сможете его вычислить?

– Я посмотрю, – сказал я.

Мы оба знали, что на это нужны не часы, а дни, а в результате может выйти пшик. Мошенничество, если таковое имело место, могло продолжаться десятилетие. Полвека. Ловкий мошенник может очень долго заниматься своим делом и не попадаться на глаза, пока кто-нибудь случайно его не уличит. Может быть, легче окажется выяснить, кто смог его уличить и почему он обратился в газету, а не в банк.

– Так или иначе, – сказал Генри, – не только поэтому мы попросили вас подняться сюда.

– Нет, – проворчал мой дядя. – Пора тебе стать директором.

Мне показалось, я ослышался.

– Э-э... кем?

– Директором. Директором, – раздраженно повторил он. – Таким типом, который сидит в правлении. Похоже, ты никогда о них не слышал.

Я оглянулся на Генри, который улыбался и кивал.

– Но, – сказал я, – вот так вдруг...

– То есть ты не возьмешься? – требовательно спросил мой дядя.

– Нет. Возьмусь.

– Отлично. Не подведи меня. Я положил на тебя глаз, еще когда тебе было восемь.

Должно быть, на моем лице выразилось изумление.

– Ты рассказывал мне тогда, – объявил дядя, – сколько ты сэкономил и сколько у тебя будет, если ты вложишь сэкономленный в месяц фунт из четырех процентов по сложной процентной ставке на сорок лет, к каковому времени ты станешь очень старым. Я записал твои цифры, произвел подсчет, и ты оказался прав.

– Это же только формула, – сказал я.

– Ясное дело. Сейчас ты это сможешь подсчитать, если тебя разбудить среди ночи. Но в восемь лет?! Ты унаследовал дар, вот что. Тебя просто искалечило воспитание. – Он печально покачал головой. – Посмотри, как жил твой отец. Мой младший брат. Веселье, выпивка и ни одной мысли в голове, да и откуда, ведь он опоздал, когда раздавали мозги. Посмотри, как он потакал твоей матери, позволяя ей так рисковать деньгами. Посмотри на жизнь, которую он дал тебе. Одни удовольствия, не считаясь с ценой. Тогда я чуть не потерял веру в тебя. Думал, что с тобой все кончено. Но я знал, что дар у тебя есть, просто он спит, и если его растолкать, он проснется. И вот ты здесь, и я оказался прав.

Я намертво лишился дара речи.

– Мы пришли к соглашению, – сказал Генри. – Сегодня утром на заседании правления все единодушно признали, что пора следующему Эктрину занять свое законное место.

Я подумал о Джоне и о новом приливе ненависти, которую вызовет мое повышение. И медленно проговорил:

– Назначили бы вы меня директором, если бы меня звали Джо Смит?

Генри хладнокровно сказал:

– Может быть, не в этот именно раз. Но, уверяю вас, довольно скоро. Вам, кроме всего прочего, почти тридцать три, а я стал членом правления в тридцать четыре.

– Благодарю вас, – произнес я.

– Не беспокойтесь, – сказал Генри, – вы это заслужили. – Он поднялся и церемонно пожал всем руки. – Ваше назначение официально состоится первого ноября, ровно через неделю. Тогда мы пригласим вас на краткое собеседование в зале заседаний, а потом на ланч.

Они оба должны были понимать, насколько глубоко я счастлив, и сами, казалось, были довольны. Аллилуйя, подумал я. Я сделал это. Я попал сюда... Я начал честно.

Гордон вышел вместе со мной к лифту, все еще улыбаясь.

– Они несколько месяцев не могли решиться, крутили то так, то эдак, – сказал он. – С тех пор как вы приняли мои дела, когда я заболел. И вот сегодня утром я рассказал им про ваши новости от мультимпликатора. Кое-кто заявил, что это просто везение. Я объяснил им, что вам последнее время слишком часто везет, чтобы это было просто совпадением. Так что вы здесь.

– Не знаю, как благодарить вас...

– Это ваша заслуга.

– У Джона будет припадок.

– Вас его зависть не заденет.

– Просто мне это не нравится, – сказал я.

– А кому нравится? Глупый человек, он сам портит свою карьеру.

Гордон самолично известил весь офис, и Джон, побледнев, на негнущихся ногах покинул комнату.

Неделей позже я неуверенно принял официальное назначение, а также приглашение на первый ланч и через несколько дней, как водится, привык к новому обществу и к более высокому уровню осведомленности. В отделах узнают о решениях, которые уже приняты; в обеденном зале узнают о решениях, которые будут приняты.

– Наше ежедневное совещание, – пояснил Генри. – Гораздо легче, когда каждый может просто сказать, что думает, и никто не подает докладных записок.

На обеде обычно присутствовали от десяти до пятнадцати директоров, хотя при крайней необходимости продолговатый овальный стол мог вместить двадцать три человека – весь личный состав. Люди то и дело исчезали к телефону и по делам. Сделки, покупка и продажа акций были первой необходимостью, еда – второй.

– По средам всегда подают барашка, – говорил Генри у буфета, выбирая себе пару постных котлет и гарнир. – Цыплята по вторникам, бифштекс по четвергам. – Генри никогда не ест жареного.

Каждый день в начале обеда подавался прозрачный бульон, в конце – фрукты и сыр. Спиртное – по желанию, но желающих было немного. Тому не следует иметь дело с миллионерами, кто усыпляет свои мозги, говорил Генри, попивая неизменную минеральную воду. Все это резко отличалось от доморощенных сэндвичей на моем столе.

В разоблачении «бумажных» компаний, которым банк ссужает деньги из пяти процентов, я не преуспел, и об этом дипломатично молчали, однако Вэл и Генри, как мне было известно, разделяли мою точку зрения, считая, что причиной доноса была злоба, а не факты.

Я провел несколько дней в большом помещении в тылу нашего этажа, где вершилась техническая часть банковских операций. Там на огромном пространстве (ковер на этот раз был серым) ряд за рядом громоздились длинные столы, поверхности которых ломились от телефонов, калькуляторов и компьютеров.

Отсюда исходили чеки на проценты, выплачиваемые вкладчикам, которые ссужали нам деньги, чтобы мы, в свою очередь, ссужали их всяким «Домашним пирожкам „Райское наслаждение"» и «Очистке стоков» в Норфолке. Сюда приходили проценты, которые платили нам пирожки, стоки и мультимпликаторы и еще десять тысяч таких же клиентов. Машинки трещали, телефоны звонили, люди бегали туда и сюда.

Большей частью здесь работали девушки, и для меня оставалось загадкой, почему так мало женщин среди управляющего персонала. По словам Гордона, причина была в том, что немногие женщины хотели бы посвятить всю свою жизнь деланию денег, а Джон (в те дни, когда он еще разговаривал со мной) сказал с типичным презрением, что они предпочитают их тратить. Как бы то ни было, в Банковских Операциях не было женщин-менеджеров; в правлении их не было вообще.

Несмотря на это, моим лучшим помощником в выслеживании мошенника оказалась рыжекудрая головка по имени Патти, которая, как и многие ее коллеги, посчитала статью в «Что Происходит...» личным оскорблением.

– Никто не может проверить такое у нас под носом! – горячилась она.

– Боюсь, что кое-кто может. Вы же знаете, что может. Вас никто не упрекнет, если вы этого не заметили.

– Ладно... С чего начнем?

– Со всех, кто занимал у нас деньги под фиксированную ставку в пять процентов. Или, может быть, четыре процента, или пять и семь десятых процента, или шесть, или семь. Как знать, насколько правдива эта цифра?

Она расстроено взглянула на меня широко расставленными янтарными глазами.

– Но мы их так не сортировали.

Сортировали, она имела в виду, на компьютере. К каждой транзакции прилагался договор, который сам по себе мог в первоначальном виде варьироваться от одной-единственной полоски бумаги до контракта в пятьдесят страниц, и в каждом договоре обязательно говорилось, по какой ставке взимались проценты, например два сверх текущего тарифа. Тысячи подобных договоров были введены в компьютер и хранились на дисках. Можно было обратиться к любой сделке по ее идентификационному номеру, или по алфавиту, или по дате заключения, или по сроку выполнения обязательств, или по числу, на которое назначена очередная выплата процентов, но если вы запросите компьютер, кто какие проценты платит, вы получите чистый экран – это процессор по-своему пренебрежительно от вас отплюется.

– Вы не сможете рассортировать их по процентным ставкам, – сказала Патти. – Ставки скачут вверх-вниз, как качели.

– Но ведь должны быть еще ссуды, проценты с которых сохраняются на фиксированном уровне.

– В общем, да.

– Так что, когда вы заносите новые процентные ставки, компьютер, соответственно, корректирует проценты почти по всем ссудам, но не трогает те, что с фиксированными ставками.

– Думаю, это правильно.

– Так что где-то в компьютере должен быть код, который говорит ему, когда не надо трогать ставки.

Она прелестно улыбнулась, предложила мне немного потерпеть и через полдня предъявила бодрячка-программиста, которому мы и объяснили проблему.

– Ну да, есть такой код, – сказал он. – Я сам его и ввел. Вам нужна программа, которая напечатает все ссуды, помеченные этим кодом. Так?

Мы закивали. Он полчаса просидел над листком бумаги, терзая изжеванный карандаш, а потом скоренько набрал что-то на компьютере, с явным удовольствием давя на клавиши, и остался доволен результатом.

– Вы заносите эту программу сюда, – объяснил он, – затем вводите данные с диска и получаете результаты вон на том принтере. Только лучше запишу-ка я это все аккуратненько для вас, а то вдруг кто-нибудь выключит вашу машину. Тогда напечатайте это все заново, и вы снова в деле.

Мы поблагодарили его, и он удалился, насвистывая. Аристократ в муравейнике.

Принтер несколько часов выплевывал строчку за строчкой, а мы скармливали ему диск за диском, пока наконец не выстроился список примерно в сотню десятизначных чисел, используемых для идентификации счетов.

– Теперь, – отважно сказала Патти, – вам понадобится полная распечатка первоначальных договоров по этим ссудам?

– Боюсь, что да.

– Поболтайте пока где-нибудь.

Даже с ее помощью потребовалось два дня, чтобы разобраться в горе бумаг. В результате я не смог найти ни одной физически не существующей компании, хотя, только обойдя своими ногами все адреса и наведя справки на местах, можно было убедиться наверняка.

Однако Генри был против такой траты времени.

– Мы просто будем более бдительными, – сказал он. – Ужесточим меры предосторожности, составим схему отслеживания. Вы сможете это сделать, Тим?

– Смогу, с помощью программиста.

– Так давайте. Займитесь. Держите нас в курсе.

Я попросил Патти подумать, мог ли кто-нибудь из ее отдела, не обязательно менеджер, организовать такой подлог, но, подавив свое инстинктивное возмущение, она покачала головой.

– Кто будет этим заниматься? Было бы гораздо проще – чертовски легко, правду говоря, – изобрести мифическую фирму, которая ссужает нам деньги и которой мы платим проценты. Потом компьютер продолжает без конца посылать процентные чеки, и все, что нужно сделать жулику, – получить по ним наличные.

Генри, однако, сказал, что на эту тему уже шел разговор и этот «легкий путь» легко перекрывается с помощью систематической аудиторской ревизии.

Вызванная газетой шумиха вновь мало-помалу стихла и перестала вызывать интерес, а потом и вовсе забылась. Жизнь на нашей делянке возвращалась на круги своя – Руперт потихоньку приходил в себя, Алек шутил, а Гордон прятал левую руку куда-нибудь подальше с глаз. Джон продолжал терзаться своей навязчивой идеей, не разговаривая со мной, по возможности даже не глядя на меня, и, без сомнения, говорил клиентам напрямую, что мое продвижение – просто трюк.

– Косметический фокус, – изображал Алек его разговор по телефону. – Придает штампу на почтовой бумаге впечатляющий вид. На самом деле ничего не означает, уверяю вас. Обращайтесь ко мне, и я о вас позабочусь.

– Он все это говорил? – переспросил я.

– Слово в слово. – Алек ухмыльнулся. – Пойди и щелкни его по носу.

Однако я покачал головой и подумал, нельзя ли мне перейти в офис, обращенный к Святому Павлу. Я не хотел уходить, но похоже было, что Джон не сможет взять себя в руки, пока я этого не сделаю. Если я попытаюсь предложить Джону перейти самому, это может только ухудшить положение.

Я постепенно осознал, что Гордон, а за ним и Генри не собираются приходить на помощь, по их мнению, я был уже большим мальчиком и должен был уметь сам принимать решения. Пришла свобода, которая повлекла за собою ответственность, как и положено свободе, и я не мог не понимать, что ради благополучия банка Джону срочно необходимо образумиться.

Я считал, что ему нужно обратиться к психиатру. Я предложил Алеку шутливо намекнуть ему об этом в мое отсутствие («что тебе нужно, старина, так это дружески выпустить пар»), но Джону его гнев казался нормой, а вовсе не болезнью, требующей лечения.

Я попытался сказать ему прямо:

– Послушай, Джон, я знаю, как ты себя чувствуешь. Я знаю, ты думаешь, что меня повысили несправедливо. Что ж, может быть, это так, может быть, нет, но тут я ничем не могу

помочь. Тебе станет гораздо легче, если ты просто примешь все как есть и выбросишь из головы. Ты хорошо справляешься со своей работой, мы все это знаем, но ты сам себе вредишь своим нытьем. Так что заткнись, приспособься к этой дерьмовой жизни и давай ссужать деньги.

Эта моя проповедь не пробилась в его замкнутые мозги, но хоть счастья и не было, да несчастье помогло. В офис пришли маляры, и на неделю, пока освежали побелку, мы впятером втиснулись в соседнюю комнату, столы загромождали проходы, говорить по телефону можно было, только заткнув уши пальцами, и даже обычно тихие флегматики то и дело огрызались. Сгребите человеческую расу в одну кучу, и вы получите войну. Миру нужно пространство.

В общем, я воспользовался случаем и провернул пару закулисных интриг, так что, когда мы вернулись в наш закуток, Джон и Руперт компанию не поддержали. Двое старейших служащих из офиса Святого Павла пришли вместе с Гордоном, Алеком и мной, а Почти Равный Гордону любезно сообщил Джону, как он рад, что вновь будет работать с командой молодых, светлых и энергичных умов.

Год первый: ноябрь

Однажды во время ланча Вэл Фишер сказал:

– Я получил удивительно странную заявку.

(Была пятница: жареная рыба.)

– Что-нибудь новенькое? – поинтересовался Генри.

– Да. Этот весельчак хочет взять в долг пять миллионов фунтов, чтобы купить скаковую лошадь.

Все сидевшие за столом рассмеялись, кроме самого Вэла.

– Я подумал, что нужно подбросить это вам, – сказал он. – Прикинуть и так и этак.

Посмотрим, что вы скажете.

– Что за лошадь? – спросил Генри.

– Какой-то Сэнд-Кастл.

Генри, Гордон и я дружно воззрились на Вэла, мгновенно наострив уши.

– Ага, так это что-то говорит вам троим? – спросил Вэл, глядя поочередно то на одного, то на другого.

Генри кивнул.

– В тот день, когда мы все были в Аскоте, этот конь участвовал в главном заезде и победил. Сногсшибательное представление. Слов нет.

Гордон припомнил:

– Хозяин ложи, в которой мы сидели, спас на этих скачках все свое состояние. Помните Дискэйла, Тим?

– Разумеется.

– Я видел его пару недель назад. Вращается в высших кругах. Бог знает, сколько он выиграл.

– Или сколько он поставил, – заметил я.

– Что ж, ладно, – сказал Вэл. – Сэнд-Кастл. Он выиграл «2000 гиней», насколько я понял, и «Приз короля Эдуарда VII» на скачках в Аскоте. А еще «Бриллиантовый приз» в июле и «Приз чемпионов Ньюмаркета» в прошлом месяце. Осталось выиграть дерби да еще «Триумфальную арку». В дерби он, по несчастью, пришел четвертым. Он может скакать в следующем году как четырехлеток, но если провалится, то будет цениться меньше, чем в настоящий момент. Наш предполагаемый клиент хочет купить его сейчас и поставить на конюшню.

Остальные директора занимались своим филе камбалы, однако заинтересованно вслушивались в разговор. Жеребец был чем-то новеньким, в отличие от химикатов, электроники и нефти.

– Кто наш клиент? – спросил Гордон. Гордон любил рыбу. Он умел ее есть, правильно управлялся с вилок, и ему не грозила опасность уронить кусок, не донеся до рта.

– Человек по имени Оливер Нолес, – сказал Вэл. – Владелец конного завода. Он вышел на меня через тренера лошадей, с которым я немного знаком, поскольку наши жены в отдаленном родстве. Оливер Нолес хочет купить, теперешний владелец не прочь продать. Всем им нужны наличные. – Он усмехнулся. – Старо как мир.

– Ваше мнение? – спросил Генри.

Вэл пожал элегантными плечами.

– Слишком рано судить. Однако я полагаю, что, если это вас всех заинтересует, мы можем попросить Тима предварительно прощупать почву. Помимо всего прочего у него есть предпосылки: так сказать, многолетнее знакомство со скачками.

Над столом пронесся легкий веселый шепоток.

– Что вы об этом думаете? – спросил меня Генри.

– Разумеется, я это сделаю, если хотите.

Кто-то на дальнем конце стола недовольно заметил, что это пустая трата времени и коммерческие банки нашего уровня не могут заниматься такой ерундой.

– Наша дорогая королева, – иронически возразили ему, – занимается этой ерундой. И, говорят, знает наизусть «Племенную книгу».

Генри улыбнулся:

– Не вижу, почему бы и нам в нее не заглянуть. – Он кивнул мне. – Действуйте, Тим. Держите нас в курсе.

Следующие несколько рабочих дней я поочередно то грыз карандаши с программистом, то организовывал синдикат из нашего и трех других банков, чтобы ссудить двенадцать целых четыре десятых миллиона фунтов на короткий срок под высокий процент одной международной строительной компании: закрыть брешь в текущей наличности. Где-то в промежутках я обзванивал знакомых, собирая информацию и мнения об Оливере Нолесе – не потому, что за жеребца запрашивали чрезмерную цену, а просто такова была обычная предварительная процедура.

Ознакомление с предпосылками, вот как это называлось. Только когда предпосылки были приемлемыми, могли вестись дальнейшие переговоры о ссуде.

Оливер Нолес, по отзывам, был человек здравомыслящий и сдержанный. Ему сорок один год, и у него конный завод в Хартфордшире. В хозяйстве имелись три жеребца-производителя, обильный запас кормов для привозных кобыл и сто пятьдесят акров пастбищ, унаследованных им после смерти отца.

В разговоре с управляющими местными банками всегда внимательно прислушиваешься к тому, о чем они умалчивают, но управляющий банком Оливера Нолеса умалчивал не о многом. Ни в малейшей степени не обсуждая дела своего клиента в деталях, он сказал, что одноразовые крупные ссуды всегда выплачивались должным образом и что деловая хватка мистера Нолеса заслуживает похвалы. Из такого источника это звучало как панегирик.

– Оливер Нолес? – сказал давний приятель по скачкам. – Лично не знаком. Поспрашиваю у людей. – И через час перезвонил с новостями: – Кажется, он тип неплохой, но его женушка только что улизинула с канадцем. Может, он поколачивал ее тайком, кто знает? А еще говорят, что он так же честен, как любой коннозаводчик, пока его ни на чем не поймали. А как поживает ваша матушка?

– Прекрасно, благодарю вас. Она в прошлом году вышла замуж. Живет в Джерси.

– Вот и хорошо. Она милая леди. Всегда покупала нам мороженое. Я ее обожал.

Улыбаясь, я положил трубку и попытал счастья в инспекции по кредитам. Никаких черных меток, ответили мне; Нолес вполне платежеспособен.

Я сообщил Гордону через комнату, что, по-моему, отовсюду нам дают зеленый свет, и в тот же день за ланчем повторил новости для Генри. Тот обвел взглядом стол и получил в ответ несколько кивков и несколько гримас, а остальные ничего не решили.

– Сами, конечно, мы все не потянем, – сказал Вэл. – Но это не совсем то, с чем мы могли бы обратиться к нашим обычным источникам. Они подумают, что мы рехнулись.

Генри кивнул:

– Нам нужно организовать приватную подписку среди своих. Я знаю пару-тройку человек, которые могут войти в долю. Два миллиона дадим сами, по-моему, это и все, на что мы можем решиться. Два с половиной – уже перебор.

– Я не одобряю, – сказал несогласный директор. – Это безумие. А что, если чертова тварь сломает ногу?

– Существует страховка, – кротко сказал Генри.

Среди наступившего короткого молчания я произнес:

– Если вы собираетесь связаться в это дело, я могу узнать мнение специалистов о родословной Сэнд-Кастла, а потом устрою анализы крови и семени. И еще: знаю, что это необычно для ссуды, но, по-моему, кому-то типа Вэла неплохо бы лично встретиться с Оливером Нолесом и посмотреть на него вблизи. Слишком рискованно ставить такую сумму на лошадь без тщательной проверки.

– Только послушайте, кто это говорит, – вставил несогласный директор, но без особого недоброжелательства.

– Гм, – задумчиво промычал Генри. – Что вы скажете, Вэл?

Вэл Фишер провел рукой по своему гладкому лицу.

– Надо ехать Тиму, – сказал он. – Он провел всю подготовительную работу, а я о лошадях знаю только то, что они едят траву.

Несогласный директор чуть не вскочил на ноги в порыве чувств.

– Слушайте, – воскликнул он, – это же смешотворно! Как мы можем финансировать лошадь?

– Ну что ж, – ответил Генри. – Разведение чистопородных животных – большой бизнес, десятки тысяч людей во всем мире посвящают этому жизнь. Смотрите на это занятие как на любое другое производство. Мы же вкладываем деньги в постройку кораблей, в машины, в текстиль, продолжайте сами. И, заметьте, ничто из этого, – улыбаясь, закончил он, – не может умножать капитал, производя себе подобных.

Несогласный медленно покачал головой:

– Безумие. Совершенное безумие.

– Езжайте и поговорите с Оливером Нолесом, Тим, – велел Генри.

Однако я решил, что, прежде чем выслушивать самого Оливера Нолеса, благоразумнее будет хотя бы в общих чертах ознакомиться с финансовой стороной племенного разведения. Тогда я буду лучше представлять, разумно ли то, что он предлагает, или нет.

Сам я не знал никого, кто бы разбирался в предмете, но одна из прелестей коммерческого банка – разветвленная сеть людей, которые могут найти людей, у которых есть необходимая информация. Я разжег сигнальный костер, и с отдаленных, невидимых за дальностью горных вершин ко мне повалили ответные клубы дыма.

Мне сообщили, что лучше всего обратиться к Урсуле Янг.

– Она агент по торговле лошадьми, или попросту барышник. Умна, словоохотлива, отлично знает свое дело. Она когда-то работала на конном заводе, так что и в коневодстве тоже разбирается. Она говорит, что объяснит вам все, что угодно, только если вы сможете подъехать к ней на встречу: на этой неделе она будет в субботу на скачках в Донкастере и она слишком занята, чтобы специально выбирать время для разговора.

Я отправился на север в Донкастер поездом и встретился с этой леди на ипподроме, где должны были состояться последние в этом году гладкие скачки. Она ждала, как было условлено, у входа для членов клуба, и на ней был приметный красный бархатный берет. Она затащила меня в бар, к уединенному столику, где нас никто не мог прервать.

Лет пятидесяти, грубоватая, подтянутая, безапелляционная, она была склонна обходиться со мной как с ребенком. Но она же терпеливо прочитала мне бесценную лекцию о выгодах владения племенным жеребцом.

– Остановите меня, – сказала она вначале, – если я скажу что-нибудь, чего вы не поймете. Я кивнул.

– Отлично. Скажем, вы приобрели коня, который выиграл дерби, и хотите обратить ваш золотой прииск в капитал. Вы прикидываете, сколько, по вашему мнению, могли бы выручить за коня, затем делите это на сорок и пытаетесь продать каждый из сорока паев по этой цене. Возможно, продадите, возможно, и нет. Это зависит от коня. За Троянцем, например, выстро-

ятся в очередь. Но если ваш победитель не чистопороден до отвращения или малоизвестен вне дерби, вы получите прохладный отклик и должны будете снизить цену. Пока понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.